

Виктор Мишин

ВТОРОЙ ШАНС СНАЙПЕР

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Виктор Мишин
Второй шанс. Снайпер
Серия «Военная фантастика»
Серия «Второй шанс», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22461310
Второй шанс. Снайпер: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-099594-3

Аннотация

Пока Новиков восстанавливался после тяжелых ранений, ему пришла идея создания группы снайперов-ликвидаторов. Командование принимает его идею и, доработав, создает спецгруппу Ставки для уничтожения старшего командного состава вражеской армии. Сергей не бросает тренировки и учебу, и обнаруживает в себе способности отличного снайпера. Тяжелые бои во вражеском тылу и в разгромленном Сталинграде только закаляют Новикова и делают сильнее. Найдя отличных друзей и спутницу жизни, Сергей выходит на совершенно новый уровень своих возможностей. Кажется, нет такого дела, с которым не справилась бы его группа, но скоро последует задание, которое покажется Сергею последним...

Виктор Мишин

Второй шанс. Снайпер

© Виктор Мишин, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Шел апрель 1942 года. Я находился в госпитале, в Куйбышеве. Как ни старался Ваню, а после него и санинструктор Валентина, и военврач второго ранга Сухомлин, но чуда не произошло. Осложнение было обширным, меня несколько раз оперировали, четыре месяца валяюсь в госпиталях. Сменил уже три. В Куйбышеве лежу третий месяц.

Когда здоровье пошло на лад и мне разрешили вставать, думал – погуляю, отдохну. Размечтался! Из Москвы ко мне приставили мрачного вида капитана. Звали моего нового мучителя Леонид Юрьевич Кожемяко. Был он настолько дошным, что мне стало тяжело уже в первый день общения. Начиная с марта месяца меня мурыжил каждый день. С утра и до позднего вечера. Я вспоминал, что мог, а капитан писал, писал и писал. Ладно, хоть пишет сам, мне легче.

Фронт был практически в том же виде, что и в моей истории. Отличия только в потерях сторон. Наши – существен-

но ниже, в отличие от известных мне, а немецкие – выше. Немцы уже озверели, партизаны их щиплют очень сильно. Со слов пленных, Гитлер издал приказ уничтожить все население деревень и сел, близ которых замечали работу партизан. А в партизаны люди шли толпами. Народ почувствовал заботу правительства и стал больше ему доверять. Так что партизаны развернулись очень серьезно. Благодаря Судоплатову, который курировал все, что касалось разведки и диверсий в тылах противника, взаимодействие регулярной армии и этих самых партизан было отточено «от и до». Самое главное, удавалось поддерживать снабжение войск, находящихся в тылу врага. У партизан появилось больше времени на боевые операции, так как практически отсутствовали проблемы с продовольствием и боеприпасами. Плюс к этому, части, попавшие в окружение, оставались в лесах, создавая второй фронт, а не стремились с чудовищными потерями выйти из котлов.

Немецким тылам приходилось очень тяжело. Происходили даже не диверсии, а хорошо спланированные операции большими группами. Противник вынужден был увеличивать тыловое охранение, а это сказывалось на состоянии войск, находящихся на передовой.

Вместе со мной, в Куйбышеве, отдыхал и Толя Круглов, мой телохранитель и просто друг. С плечом у него обошлось, все починили. Отдыхал, конечно, громко сказано. Всюду на-

ходилса со мной и капитаном Кожемяко. В армии медленно, но верно, началось перевооружение. Пошли новые танки, самоходки, стрелковое оружие. У летчиков стали появляться самолеты с новыми отличными двигателями. Лавочкин довел до ума свой Ла-5, классная получилась машина, летуны хвалят. «Вторые» ИЛы, скоро пойдут с двухместной кабиной, а главное, их стало больше на порядок.

Еще в марте из Штатов наконец пришли новые карусельные станки, для обработки башенного погона, благодаря им, производство новых танков удалось увеличить. Сталин решил выпускать два основных вида танков: тяжелый КВ-1М и средний Т-34М. Индексы решили не менять – для конспирации, наверное, только добавили по букве «М» (модернизированный). Хотя видел я уже оба. В Куйбышеве тоже развернули небольшое производство. «Тридцатьчетверка» стала почти не похожа на себя. Танк стал чуть ниже, башня шире и приплюснута, орудие мощнее. Кожемяко нехотя рассказал, что усилили броню. Произвели какую-то модернизацию трансмиссии и ходовой. Позже я узнал, что Сталин отказался от выпуска Т-43, в пользу «сорок четвертого», который уже проектировался. «КВ» вообще стал больше похож на ИС, который я видел в своем времени в Интернете, чем на себя.

Активно шло обучение и танкистов, и летчиков. Уже не как в моем времени: «взлет-посадка», учили серьезно, с учетом своего, да и вражеского опыта.

Люди стали воевать гораздо умнее, стали смелей, уверен-

ней. Мне на глаза попалась газета, в которой была большая статья про одного танкиста, Героя Советского Союза, между прочим. Старший лейтенант Солодуха рассказывал в ней и сравнивал новые танки со старыми.

«Вот, воевал я на Т-28, сжег я одного немца, и тут же меня сожгли. Из экипажа я один уцелел. После госпиталя переучился на новый КВ, в первом же бою восемь машин противника уничтожил, прежде чем мне повредили орудие, в которое попал снаряд. С поля боя я вышел своим ходом, насчитал больше пятидесяти отметин на корпусе. Сейчас жду машину с ремонта и – снова в бой. Можно воевать, когда тебе не грозит сгореть от первого же попадания...»

Превосходство нашей техники уже было налицо.

Когда в середине апреля в Куйбышеве появился Истомин, я с облегчением вздохнул. Кожемяко убыл в Москву, а с нами остался наш прежний командир – старший майор ГБ Истомин Александр Петрович. Парни, с которыми я воевал в первый год войны, восстановились после ранений и сейчас снова тащат службу. Их оставили в Ленинграде, там они и работают. Практически живут во фрицевских тылах.

Петрович привез с собой в Куйбышев моих девчонок, а также документы, подтверждающие мое опеку над ними. Так как Кожемяко уехал, допросы прекратились. Я проводил все свободное время с дочками. Александр Петрович выхлопотал мне «Виллис», якобы для служебных разъездов.

Хотя работы для меня здесь не было.

По шесть часов в день я тренировался с группой ОСНАЗа НКВД, делился своим опытом, перенимал чужой. Со мной вместе обучалось еще два десятка бойцов. Все бывалые, повоевавшие побольше меня, прибыли сюда после лечения в госпиталях. Бойцов нашего отряда планировалось впоследствии использовать как инструкторов в создаваемых разведывательно-диверсионных группах. Судоплатов, благодаря информации, полученной от меня, разворачивал свое детище на полную катушку.

Ребят, хочу заметить, подбирали основательно. Каждый был спецом в каком-либо деле. Снайперы, подрывники, радисты и, конечно, рукопашники. К последним причислили и меня. В спарринги я пока благоразумно не вставал. После ранений, да и просто тело было не тренированным, я потихоньку втягивался, тянулся, укреплял мышцы и связки.

Интересно было наблюдать за бойцами. Каратэ здесь было не развито, но, посмотрев пару схваток одного капитана, воевавшего в полковой разведке, я заинтересовался. Дело было в том, что парень активно пользовался ногами, как бы и не больше, чем руками. Я здесь такого не встречал. Часто попадались парни, занимавшиеся до войны боксом, борьбой, ну и дрались они соответственно. В основном пользуясь руками. В ближнем шли на захват и бросок.

Приглядываясь к капитану, обратил внимание, что парень

не растянут, стало быть, самоучка, но довольно умелый. Както, во время одной из тренировок, он подошел ко мне. Я обычно занимался в сторонке, стараясь не привлекать внимание.

– Привет, лейтенант, – добродушно обратился ко мне капитан. Я, сидя в шпагате, поднял глаза. Да, парень был знатный. Крепкие мускулистые руки, ни грамма жира, рост примерно метр восемьдесят. Но что привлекло больше всего, так это честное лицо, с такими добрыми глазами, вот такие опасны больше всего.

– И вам не хворать, – ответил я, проигнорировав его обращение на «ты».

– Меня Игорь зовут.

– Сергей, – ответил я, продолжая смотреть на него. Капитан протянул руку. Я спокойно поднялся и пожал ее.

– Будем знакомы, – Игорь с какой-то хитринкой разглядывал меня, а я краем глаза отметил, что остальные парни тоже с интересом смотрят в нашу сторону.

– Будем, – коротко произнес я.

– Давай на «ты», – предложил он, продолжая держать мою руку.

– Давай, мне самому так легче.

– Тем более, мы ведь вроде в одном звании – ты ведь лейтенант госбезопасности?

– Именно так.

– Скажи, Серега, а чего ты такое делаешь? Все время ноги

растягиваешь, а ни с кем не борешься?

– Так упражнение это, растяжка, – ответил я, но показалось, что он просто прикалывается.

– А зачем она нужна? – все так же улыбаясь, продолжал он.

– Ну, вот ты, Игорек, сам учился так драться?

– Да, подсмотрел немного, в Испании, – лицо у парня вдруг слегка нахмурилось, – что-то запомнил, что-то сам придумал.

– Попробуй меня ударить ногой, хотя бы в грудь или в плечо, – предложил я.

– Зачем ногой, можно и рукой обойтись? – удивился он.

– Не всегда. Бывают случаи, когда нужно ударить именно ногой. Вот я и покажу, зачем растяжка нужна.

– Бить всерьез? – поинтересовался Игорь.

– Конечно, только так и можно понять. Но я отвечать буду, так что – будь готов. Я тоже ударю ногой, – предупредил я.

Мы встали в метре друг от друга и смотрели глаза в глаза. Пока Игорь заносил ногу, пока ее поднимал, я без размаха нанес прямой удар ногой в грудь. Правая нога капитана, не долетев до цели, полетела обратно вместе со своим владельцем.

– Ну, как, теперь понимаешь – для чего? – спросил я, подавая руку лежавшему на земле капитану.

– Да уж! Я даже не понял – чем ты ударил-то? Хотя знал, что ногой бить будешь. Как же быстро-то. И неожиданно,

на такой-то дистанции, – ответил капитан, поднимавшийся с земли, ухватившись за мою руку.

– Просто, у тебя связки и мышцы «забиты». Пластику надо развивать. Я смотрю, приемы ты освоил хорошо, потянись, как следует только.

– Видали? – оглядел он бойцов, что уставились на нас. – Вот как надо! Спасибо, Сергей.

– Да не за что. Обращайся. Я у тебя тоже кое-что перенять попробую, – улыбаясь, ответил я.

– Да ладно. Сам, наверное, все знаешь, – махнул рукой Игорь.

– Все знать невозможно, а вот «двочку» руками ты мне покажешь. Это когда после второго в корпус идет бросок.

– Ладно, договорились. Давай, покажи – чего и как тянуть надо, – попросил он, – парни, давайте сюда, – добавил он остальным бойцам.

Подошли те шесть человек, что тренировались с капитаном до меня.

Один из них был примечателен тем, что сильно напомнил мне Мурата, казаха из моей бывшей группы. Тоже раскосый, маленький, метр шестьдесят – шестьдесят пять всего, но жилистый, двигается плавно, настоящий боец.

– Товарищ лейтенант? – обратился он ко мне, после полу-часового разогрева.

– Просто Сергей, – предложил я. Видел его в форме, старлей он.

– Можно мне попробовать тот удар, что пытался нанести капитан? А ты ответишь, как захочешь. Вон ты его как положил, – перейдя на «ты», предложил боец.

– Да скажешь тоже, положил, – усмехнулся я.

– А все же? – он смотрел, чуть улыбаясь и прищурив один, и без того узкий, глаз.

– Ну, давай попробуем, – я на секунду задумался. По парню видно – боец он должен быть хороший, да и, зная их восточную натуру, наверняка занимался всерьез. Стоило приготовиться падать.

Ступня нового «Мурата», кстати, я даже не спросил, как его зовут, описала полукруг с такой скоростью, что я почти замешкался, уйти успел в самый последний момент. Достать, он меня все равно достал, но, если бы я не уклонился, хрен его знает – где была бы моя челюсть. Уходя, я поднял руку, удар пришелся в плечо, но меня мотнуло. Наклоняясь, одновременно присел и крутанулся на месте, делая подсечку, «Мурат-2» ловко подпрыгнул, пропуская ногу под собой. Я остался в полусогнутом положении, готовясь кувыркком уйти в сторону. Но удара не последовало.

– Здорово, Сергей, я не ожидал подножки, – заговорил старлей, отступив и опустив руки.

Я поднялся и протянул ему руку.

– Ты не сказал – как тебя звать-то?

– Равшан, – ответил он, пожимая мою клешню.

Я чуть не прыснул от разбирающего меня хохота. Если не

сдержусь, он меня тут в землю втопчет. Да, осталось Джамшута найти, а я «Насяльника» буду. Удержался, только расплылся в улыбке.

– Рассказывай, где ты так ногами дергать научился? Уж больно резкий.

– Это точно, – пробасил кто-то из стоящих рядом бойцов, – как понос, видели бы вы, как он фрицев кладет в рукопашке.

– Представляю, – всерьез ответил я и кивнул.

– Да ты тоже, Серега, хорошо драться умеешь. Продолжим как-нибудь, из того положения, на котором закончили? – заулыбался Равшан.

– С удовольствием. Хоть сейчас, – ответил я.

– Извини, сейчас некогда, я тут стрельбу веду.

– Так ты снайпер, что ли? – удивился я. Хотя чему удивляться, люди из Азии всегда слыли хорошими стрелками.

– Да. Интересует?

– Конечно. Сам пробовал, но, кроме стрельбы метров с трехсот, ничего не умею. Да и стреляю не особо. А уж двигаться и позицию выбирать – вообще темный лес... – Ну немного поскромничал. Стреляю-то я как раз вовсе даже и неплохо. Даже Истомину понравилось. И я давно его просил найти мне хорошего инструктора по маскировке и тактике.

– Научишься, если захочешь, – серьезно ответил Равшан.

– Да, вот и тренируй вас! Еще вундеркинды есть? – вдруг заговорил капитан, он оказался удивлен тем, что его поста-

вили на рукопашку, притом, что есть бойцы и посильнее.

– Товарищ капитан, я просто смотреть приходил, ну и побегая с вами. Я ведь по стрельбе здесь, – извиняющимся голосом пробормотал Равшан.

– Не прибедняйся, видел – как у тебя получается. А ты, Сергей, чего молчишь? – Игорь уставился на меня.

– А я чего, я пошел с Равшаном, давно хотел снайперскому делу научиться, – и я направился за уходящим Равшаном.

Впоследствии мы много раз занимались взаимным мордобоем, иногда лучше получалось у Равшана, иногда – у меня. Отметил для себя одного из учащихся, Семена Павленко, имевшего разряд по боксу, немного, но он уступал и мне, и Равшану.

– Вот черти, задобали вы со своими дрыганиями! – заключил Сема, в очередной раз хлопнувшись на землю. – Пока бьете руками, кажется, что все, сейчас положу. Хрена два, ваши макароны – ноги, в смысле – постоянно забываю.

– Ну, так не забывай, – наставительно произнес Равшан, он всегда был рад, когда укладывал Семена, так как тот очень сильно хвастался и говорил, что боксер – любого уделает. А Равшан каждый раз ему в этом мешал.

– Так ведь мне нужен-то всего один удар и – писец котенку, – все не успокаивался Павленко.

– Так ты его сначала проведи, – ехидничал Равшан.

Вообще, Равшан был не из выпендренщиков – скромный, тихий, обращал на себя минимум внимания. Ну, так ведь он снайпер. Причем отличный. Неделю я с него не слезаю, а, как начнем играть кто кого, так я пока его разглядываю и ищу, он меня десять раз может снять. Но все-таки и у меня двигалось. Понятно, такому не научишься за пять минут, но к концу второй недели прогресс пошел.

Равшан оказался хорошим учителем, а меня назвал очень способным учеником. Научил грамотно маскироваться, подолгу лежать без движения. Последнее было невероятно трудным делом. Лежишь на холодной земле или в луже часа четыре, потом встать не можешь – так затекают мышцы, что хоть вой. Снайпер показал нехитрые упражнения, благодаря которым, тело слушалось без нареканий. В ответ я показывал ему некоторые приемы, которых он не знал. Короче, мы нашли друг друга. Уже через месяц он вдруг сообщил мне, что у меня начало получаться, поэтому он усиливает тренировки, так как теперь видит, что надо со мной работать жестче.

С нами занимались еще восемь человек – четверых Равшан завернул, сказав им суровую правду о том, что из них самостоятельных полноценных снайперов не выйдет. А мне посоветовал искать себе пару, поскольку не видит смысла учить меня просто так, чтобы я стал простым инструктором. Мало того, он еще и начальству сообщил. Меня вызвал Истомин, начал пытаться – что да зачем.

– Зачем ты это затеял? По-моему, я передавал тебе слова

Лаврентия Павловича?

– Передавали, – подтвердил я, – однако возникла идея.

– Что, опять озарение? – с усмешкой проговорил Истомин.

– Типа того, – кивнул я, – может, это и известно уже, не знаю, но, думаю, может и получиться.

– Что именно? Говори, – уставился на меня майор.

– С самого начала я делал акцент на военачальников, хорошо показавших себя на войне. Там же я указывал и специалистов противника, как хороших, так и плохих.

– К чему ты клонишь? – прервал меня Александр Петрович.

– Что, если заняться целенаправленным выбиванием состава противника?

– В смысле? – не понял Истомин.

– В прямом. В моем времени видных политиков, бизнесменов и прочих бандитов «исполняли» снайперы. Специально подготовленные люди отстреливали тех, кого укажут, и исчезали.

– А подробнее? – с интересом спросил Истомин.

Мы разговаривали около трех часов. Я высказал свою идею, Петрович спрашивал то, что его интересовало.

– А кто будет давать указания и разрабатывать операции? – озвучил свои мысли Истомин.

– Думаю, что здесь будет незаменим Судоплатов. Ведь он же ведет все руководство по подготовке и проведению ди-

версионных акций в тылу противника. Плюс – у него есть данные на всех, кто может нас заинтересовать.

– Я сейчас свяжусь с Москвой, если Павел Анатольевич не сильно занят, вызову его сюда.

Истомин ушел, а я стал думать – может, и получится что-нибудь.

К вечеру вернулся Истомин.

– Павел Анатольевич завтра будет здесь. Товарищ Сталин очень интересуется, что еще такого ты придумал. Понятное дело, по телефону я не стал раскрывать твои мысли. Поговоришь с Судоплатовым, тот вернется и доложит.

Дело завертелось очень быстро. Конечно, я и не думал, что сказал что-то новое, Судоплатову все это было хорошо известно. Я рассказал, как читал в его книге про ликвидацию фашистских военачальников. О том, как нагло и в то же время идеально работал Кузнецов. Павел Анатольевич насторожился, что я знаю про Кузнецова, но потом, видимо вспомнив – кто я и откуда, успокоился. Я поинтересовался, какова будет структура группы ликвидаторов. Павел Анатольевич ответил, что нужно хорошо все обдумать, посоветоваться со «спецами», но лично он видел состав и задачи такими:

– Группа прикрытия – находится отдельно от стрелков-ликвидаторов, но контролирует безопасность последних. Снайперы, – их он видит именно «двойками», – работают объект и уходят.

Для каждой группы предлагалось разрабатывать целую схему по осуществлению плана и выходу из района проведения операции.

– Думаю, должны быть два вида снайперского оружия. Один – основной стрелок с крупным калибром, второй номер страхует и, при необходимости, работает на более короткой дистанции.

– А что, есть крупный калибр? – спросил с удивлением я.

– А ты думал. На основе ПТР, с магазином на пять патронов и сильной оптикой.

– Так из такого много ли настреляешь? Отдача, грохот.

– Даже обычное ПТР давно модернизировали, а уж про снайперский вариант и не говорю. Отдача, звук выстрела, вспышка – почти как у мосинки. Зато дальнобойность и пробиваемость выше всяких похвал. На фронте был случай, когда один боец, получивший в руки такую винтовку, с расстояния больше километра убил одним выстрелом фашистского генерала. Тот приехал на передовую осмотреть войска, да там и остался. Много ли заметишь с километра?

– Круто! – восхитился я.

– Чего? – не понял Павел Анатольевич.

– Здорово, говорю, – поправился я.

– Вот я и говорю. А спецгруппы будут работать в тылу врага – какой тогда будет результат?

– Думаю, офигенный. Немцы без командиров уже не такие бравые вояки. У них порядок превышает всего.

– Ну, за порядком и мы следим.

– Я все понял, Павел Анатольевич. Можно ли мне рассчитывать на свое участие?

– Товарищ Новиков, вы, по-моему, уже навоевались. Вы ведь здесь после ранения?

– Да. Но я почти полностью восстановился. Прихрамываю немного, но это ничего. Рука работает, а спина зажила. Чего мне в тылу-то сидеть.

– Зато придумываете нужные вещи, – Судоплатов подмигнул мне.

– Так это же на эмоциях, полученных на фронте.

– Я тебя понимаю, Сережа, – Павел Анатольевич вдруг сделался серьезным, – попробую сделать для тебя что смогу. У тебя ведь и группа есть своя?

– Ребята в Ленинграде остались.

– Вызывай. Согласуй с Истоминным, он не будет против, я уверен. Уж больно вы хорошо себя показали.

– Ага, еле вылезли.

– Ну, не без этого. Зато задание выполнили!

За ужином я поведал о нашей беседе с Судоплатовым Истомину. Тот поддержал идею создания таких групп, но отнесся крайне отрицательно к моему участию.

– Александр Петрович, ну не могу я сидеть на месте, сами же знаете!

– Мы тебя в камеру засунем и никуда не денешься! У тебя

дети теперь, ранений целый букет. Наконец, подумай о своей голове, ты же столько на тот свет уже отправил, спишь-то как?

– Да нормально. Я врагов туда отправлял, а не друзей. И еще столько же с удовольствием отправлю.

– Ладно, ладно. Поговори у меня. Вы в будущем все такие, с шилом в заднице?

– Ага. Кроме нескольких процентов геев, все такие.

– Кого?

– Я вам потом объясню, – засмеялся я, прикрыв рукой рот. – А если серьезно, Александр Петрович, у меня теперь и подготовка лучше, и парни будут те же.

– Ага, те же. Может, тебе еще и Иванова с Михалычем сюда привезти? – ухмыльнулся Истомин.

– Очухались? А что же вы раньше-то мне про них не говорили?

– Очухались. Иванов ранен был не очень серьезно, а вот Михалыча с того света вытащили.

– Иванова я так и не отблагодарил...

– Приедет и проставишься, – ляпнул Истомин и, сразу же осекся.

– Спасибо вам, товарищ старший майор. От всей души спасибо!

– Не подлизывайся! Через неделю все будут здесь. Месяц на подготовку, потом поступите в распоряжение к Павлу Анатольевичу. Если он сочтет вас готовыми, начнете рабо-

тать. Дальше он вам будет задачи ставить. Вас у меня давно забрать хотели.

– Александр Петрович, ну вы ведь все равно с нами будете?

– Пока приказано работать здесь. Но ты же знаешь, у меня несколько другие обязанности.

– Кретинов и саботажников ловить? – спросил я.

– Их тоже кто-то должен ловить. Хотя сейчас стало заметно лучше. Люди стали ответственнее. Предприятия, что были эвакуированы в тыл, всю разворачиваются. Люди работают, на фронт идет техника и оружие в нужных количествах.

– А что с наступлением на Харьков, помните, я рассказывал?

– Ну, уж такого товарищ Сталин не допустит. Тимошенко приставили такую свиту, думает теперь, прежде чем сделать, – видя мои удивленные глаза, Истомин добавил, – выводить из действующей армии пока не стали, хотя устарел наш маршал для такой войны.

– А кто сейчас там командующим фронтом?

– Он, только не один. Рокоссовский, Чуйков, Горбатов, Еременко и другие там же.

– А на севере? Жуков?

– Так точно. Чего, ответ впечатлил?

– Ага, я аж подавился.

– Новый устав еще не ввели, но наказывать за такой ответ

уже не будут. Так вот, на севере: Жуков, Рыбалко, Мерецков, Черняховский. Да много кто. Люди все на своих местах. Войдут как надо.

– Это очень хорошо, правда, приятно слышать.

– Вот так, – закончил Истомин.

Здорово все идет: в Крыму немца бьют, на Центральном – тоже. Жуков в Ленинграде пока в обороне сидит, но зато колечко-то сняли. Тем более приятно, что я в этом участвовал. Коридор пробили небольшой, километров двадцать шириной, но укрепились отлично. Кольцо рвали как и в моей истории. На Ораниенбаумский плацдарм удалось переправить новые тяжелые КВ, перебросили с восточной стороны и с севера пехоту и артиллерию. Ударили крепко. Благодаря тому, что у немцев в этом месте оставалось мало танков, сломали их достаточно быстро. А из-под Синявино ударила группировка в составе четвертой и двадцать первой армии. Жарко, наверное, было. Тем более, что все фрицевские деревянные укрепления обильно поливались напалмом, причем уже не моим кустарным.

Жуков вперед не лезет, решил пока создать крепкую оборону. Рано еще наступать по всем фронтам, силы копить надо.

Немцев регулярно обрабатывают с воздуха, да и обороняется Георгий Константинович довольно активно. Раздергивают фрицев, не дают копить большие силы.

Через Шлиссельбург проложили железную дорогу, по ней в Ленинград идет все необходимое, главное – продовольствие. В северной столице выпуск тяжелых танков увеличился, теперь есть возможность немного, но поставлять их и на другие участки. Но в основном, конечно, все оседает прямо там. Танки не самокаты, быстро не сделаешь. Но стараются люди. В отличие от моего времени, в Ленинграде осталось много жителей трудоспособного возраста. Так как блокада была снята раньше, не было таких потерь мирного населения от голода. Город снова начал жить и работать.

Тренировки новый «Мурат» и, правда, ужесточил. К тому же нам привезли новые снайперские винтовки «ВСК». Назвали нейтрально, потому как делали ее несколько оружейников сразу. Когда я увидел это чудо, слегка охренел. Здоровая дура, немного покороче ПТР, но весьма похожая. Пламегаситель, приклад. Хотя нет, приклад-то как раз был новый, с каким-то амортизатором. Больше всего она напомнила мне пиндосский «Баррет». Когда начали стрелять, понравилось настолько, что не хотел из рук выпускать. Отдача крепкая, но терпимая, мощь – даже слов нет. Как передать чувство, когда есть ощущения, что ты режешь масло горячим ножом. С пяти сотен метров в борт «Ганомага» навывлет с обеих сторон. Нет, это не передать.

Равшан уже неделю бился со мной над баллистическими таблицами, заставляя учить наизусть. Как правильно высчи-

тывать поправки при разных углах, ветре, перепаде высот и расстоянии до цели. С восьмисот метров в ростовую мишень попадал я вполне сносно, но вот дальше...

Сам учитель с такого расстояния клал пули в кружок диаметром пятнадцать сантиметров. Причем – весь магазин. Мне такое пока не дается. А уж о большей дистанции приходится только мечтать. Равшан ради эксперимента, «положил» ростовую мишень с тысячи трехсот. Но сказал, что надо над пулей поработать. Я только хлопал глазами. На деле, по раскладам Судоплатова, требовалось на расстоянии 700–800 метров поражать грудную мишень с первого выстрела. Второго может и не быть. Павел Анатольевич объяснял, что это оптимальное расстояние как для точного выстрела, так и для того, чтобы смыться.

За всеми этими перестрелками не заметил, как пролетела неделя. Народ в нашу «учебку» все прибывал. По всем фронтам люди Судоплатова отбирали лучших снайперов, к ним подбирали группы прикрытия. Прибыли и мои друзья.

– Ну, здравствуйте, товарищ лейтенант госбезопасности, – услышал я однажды, вернувшись на квартиру, где жил с дочерью. Заглянув в комнату, увидел всю банду в полном составе. Был здесь и Петрович, и Иванов, и даже водитель Михалыч, а главное для меня – ДЕД. Да, он снова с нами.

– Чем же я вас всех кормить-то буду? – засмеялся я.

Истомин ухмыльнулся, а парни дружно заржали. Первым

подошел Саня Зимин, это он и здоровался, я сразу узнал его голос. Все такой же подтянутый, в форме.

– Это чего, ты уже меня в звании догнал? – удивился я. То, что Зимина повысили до лейтенанта ГБ, я не знал, вот парень дает.

– Так нас всех отметили, после «Шлисселя», когда блокаду прорвали, сам Жуков награждал! – важно ответил Саня. А я обратил внимание на его грудь – ни хрена себе иконостас. Два «Красных Знамени», две «Красные Звезды», «За Отвагу», «За Боевые заслуги». Да, у меня столько нет.

– Везет тебе, скоро перепрыгнешь, – кивнул я Зимину в ответ.

– Не думаю, – вдруг перебил нас Истомин и, подойдя ко мне продолжил: – товарищ лейтенант государственной безопасности, за отличное выполнение особого задания Ставки, за мужество и доблесть, вы тоже будете отмечены правительственной наградой. Вручение состоится завтра, специально прилетел товарищ Калинин. Многие командиры и бойцы Красной Армии, прибывающие сюда для обучения, возвращаются в строй после лечения. Решением товарища Сталина вас всех здесь и наградят. Просто ребят на фронте раньше наградили, пока ты в госпитале валялся, вот и все.

– Во дела! – потер я щеку, когда прервался Истомин.

– И еще не известно, кто кому будет завидовать, когда узнают, чем тебя наградил товарищ Сталин. А у меня отдельный подарок для тебя. Лично от товарища Берии.

– Ого, это чего же на меня навесят, вроде заслуг-то немного? – подумал я, но как оказалось – вслух.

– Сергей, вы выполнили очень важное дело. С Ленинграда снята блокада, люди перестали голодать. А значит – умирать!

– Александр Петрович, не мы же кольцо рвали, сколько там ребят полегло, мы-то не участвовали...

– Полегло действительно много, но не бесполезно – цель была достигнута.

– Понятно, давайте, что ли, ужинать? – предложил я.

– У нас все свое, с собой прихватили, – подал голос Ваню и показал на стол, заставленный самой разной едой. Стояли и бутылки, уж наверное, не с водой.

– Минуту, пожалуйста, ребята, – попросил я слова, когда ужин был в самом разгаре, а парни принялись на грудь водочки.

– Говори, командир, – перекрикивая всех, ответил Зимин.

– Ребята, мы здесь собрались вместе благодаря случаю. Все мы помогали друг другу в тяжелые минуты, держались друг за друга. Но я бы хотел заметить, что если бы не Костя и Ваню, вряд ли бы эта встреча получилась. Спасибо вам, братцы! – я подошел по очереди к каждому из названных и, крепко пожав руку, обнял, похлопав по спине.

– Серег, ты чего? – смущенно пробасил Ваню.

– А кто меня выхаживал, спиртом обрабатывал и таскал на себе? А Костян, сам раненый, но вытянул меня. А вообще, ты прав, Ваню, не буду я выделять кого-либо, мы все – одна

семья. Вы всегда будете для меня самыми близкими.

– Вот завернул, – пожал мне руку Истомин, – ты случаем не выпил стопочку, трезвенник ты наш?

– Никак нет! Товарищ старший майор госбезопасности, вы же знаете мой случай.

– Да знаю, знаю, – пробормотал Истомин.

– Ну, пользуясь случаем и я скажу, – вдруг подал голос до этого молчавший Михалыч, наш водитель.

– Ну все, и этого прорвало, – заключил Зимин.

– Молчи уже, дай сказать, – беззлобно проворчал Михалыч.

– Молчу, молчу, говори, батя, – посмеиваясь, прикрыл рот ладошкой Саня.

– Спасибо, хлопцы, вам всем! А тебе, лейтенант, – Михалыч посмотрел на меня, – извини, что не послушал тебя. Ты тогда приказал ехать к дороге, а я встал на кромке поля, вот и получил. Спасибо, сынки, за то, что не бросили.

– Батя, да ты хорош дурить-то! Как бы мы тебя бросили? Ты же один из нас, а мы своих не бросаем, – гордо сказал я. – Это вообще-то наш девиз.

– Вот, за это и выпьем! – поднял стакан Ваню.

Я тоже поднял свой стакан, в котором была минеральная вода. Истомин привез из столицы.

А награждение было и вправду сладким. Мне дали целый «Орден Ленина», чему я удивился еще сильнее. Сам дедок

с козлиной бороденкой прицепил мне на грудь эту высокую награду. Новая форма тоже была хороша. Истомин привез мне ее специально. Погоны вводить не стали, не до них сейчас, но придумали вместо всех этих ромбов, квадратов и шпал – звезды. У меня в петлицах горели по четыре маленькие золотые звезды, что очень воодушевляло. А как смотрятся целых четыре награды. Эх. Еще бы не война. А самым интересным для меня был подарок от Лаврентия Павловича. Оружие, да какое! Я еще в прошлом году, разговаривая с Истоминим, узнавал о поставках из штатов. Так вот, по личной просьбе Берии, в Союз пришла партия из десяти винтовок. Винчестер модели семьдесят был просто великолепен. В трех вариантах исполнения, разница в калибре и длине ствола. Личным подарком оказалась семидесятка калибра 300 Н&Н Magnum. Это, я вам скажу, тот еще монстр. С его убойной силой да великолепным качеством ствола кучность была... Пальцев не хватит, чтобы все облизать от счастья. Таким патроном дважды выиграли соревнования по стрельбе на 1000 ярдов. С этой винтовкой, после всего пятидесяти выстрелов, я собрал кучу в двадцать сантиметров на дистанции 1000. Равшан, правда, меня и тут опередил. Три выстрела подряд в круг тридцать сантиметров, он положил на 1200 метров. Да-да, такие пошли расстояния у нас. Если честно, я всегда о таком и мечтал.

Понеслись дни сплошных тренировок, мы с Муратом, ко-

нечно, составили снайперскую пару. Остальные работали с рукопашниками, постоянно и много стреляли. Отлаживали взаимодействие. Толю Круглова поставили вместе с новеньким, Константином Ивановым, остальные все были сработаны. Дед же так и оставался нашим незаменимым радистом.

Равшан теперь гонял нас обоих. Я себе так и оставил 300-й, Мурат выбрал 30–06 «Спрингфилд», но с самым длинным стволом. «Куча» у него на той же дистанции, что и у меня, выходила почти такая же, но вот энергию 06 терял прилично... От 300-го подранка не будет никогда, а в случае с 30–06 всяк может получиться, при охоте на людей, конечно. Да, 300-й не годился для бронетехники, точнее для борьбы с ней как пуля для ВСК, но вот по живой силе... Этим патроном можно медведей «валить» на приличном расстоянии. Короче, подготовка у нас пошла как песня. Равшан уже перестал увеличивать дистанцию, говорит, что таких целей просто нет. Он прав, даже в двенадцатикратный «Юнертл» я вижу на 1200 практически пятно. Дальше уже необходима совсем другая оптика. Гоняет нас сейчас Равшан по маскировке и передвижению вблизи противника. Ставит, гад, наблюдателей и заставляет выйти на позицию незамеченными. А до «противника» сто метров. На мои глупые вопросы: на фига, я не собираюсь стрелять с пистолетной дистанции? – заметил очевидное: а кто тебе сказал, что всегда будет возможность поражения с километра? Ответить было просто нечего. Поэтому учились. Принимали на головы комья

земли, это когда нас замечали, помощники Равшана закидывали нас землей и камнями, имитируя обстрел, и терпеливо учились, учились, учились.

На дворе было начало июня, когда пришел приказ от Судоплатова прибыть в столицу. В Москве нас поселили в квартире у Алевтины. Конечно, не всех, такую ораву не поместишь. В этом же подъезде пустовали две квартиры, где были их хозяева – история умалчивает. По городу шляться запретили, дали две папки бумаг с данными о какой-то местности, приказали изучать. Меня Истомин увез к Лаврентию Павловичу.

Представ перед светлы очи всесильного наркома, бодро отрапортовал доклад. Выслушал хвалебную речь в свой огород. Как обычно, немного оттянули – за разгильдяйство – хотя, в чем оно выразалось, как водится, не сообщили.

– Ну что, воин, опять напросился на фронт? – с улыбкой спросил Берия.

– Так точно, товарищ генеральный комиссар госбезопасности, напросился, – Берия сначала поморщился, но, снова натянув улыбку, протянул руку.

– Молодец. Товарищ Сталин тоже очень доволен твоей службой и... твоим везением. Сказал, что, видимо, не все так плохо в будущем, если там есть такие, как ты.

Я смущенно опустил глаза.

– Лаврентий Павлович, не стоит, есть и более достойные

люди для вашей похвалы. Я не выделяюсь, извините, если кажусь невежей. Просто на фронте встречал людей, которые идут на верную смерть без всяких наград, без мысли о спасении. Мы-то что, знали – нужно выполнить задание и назад. А бойцы в окопах, им либо смерть, либо войне конец.

– Мы понимаем, Сергей, всю тяжесть положения на фронтах, но сейчас такое время – нужно, нужно напрягаться изо всех сил. И, кстати, товарищ Сталин предложил ввести отпуска в армии. Конечно, для начала тем, кто наиболее отличится, но когда ситуация позволит, то и всем остальным.

– Отличная идея, товарищ Берия. Просто великолепная. И людям, я уверен, это понравится. У немцев так и сделано. Они вроде меняются через две недели. Нам пока это, конечно, «не светит». Надо сначала их отогнать подальше, а там и видно будет.

– Именно так. И добавлю: еще рано плясать, пока надо воевать.

На Лубянке я пробыл часа четыре. Потом съездили с Истоминным на завод, где выпускали ПТР, посмотрел на новинки. Выпросил десяток новых магазинов для ВСК десятизарядных – на будущее. Хоть автоматики и нет, но все не по одному пихать. А так дергай затвор, да дергай. Нам с казахом по пять штук в самый раз. Узнал, кстати, где берут такие хорошие прицелы. Оказалось, они наши, выкупили лицензию у «Юнергл», собирают на заводе, где производится ме-

дицинская аппаратура, а линзы приходят из Штатов. А прицелы и, правда, классные. Увеличение восьмикратное, просветленные. Они у наших получились еще крепче, чем родные штатовские. Мы стреляли в сумерках, уже темнело, но видно хорошо. Только непривычно, конечно, с таким увеличением работать. Сноровка тут нужна и опыт. Ведь с восьмикратным увеличением сдвиг ствола всего на миллиметр даст отклонение в несколько метров, на тех дистанциях, для которых предназначен этот прицел. Но на «Винте» я оставлю родной.

Вечером собрались всей оравой у Алевтины и замутили посиделки. Заставили петь, хотя и сам давно соскучился по гитаре. Тем более, в Москве меня ждала моя «итальяночка». Успокоились, только глубоко за полночь, но все были трезвые, люди хорошо понимали – время не то.

Утром нас не дергали, так что удалось относительно выспаться. После обеда приехали от Судоплатова, пригласили к нему. Поехал с Зиминим и Муратом.

– Лейтенант, по Ленинграду не соскучился? – встретил меня вопросом Павел Анатольевич. Он сидел за столом с какими-то бумагами. Краем глаза я заметил фотографии.

– По делу? – осторожно спросил я.

– А как еще? Отдыхать после войны будем ездить. Ну что, как группа – готова?

– Так точно, товарищ комиссар госбезопасности второго

ранга.

– Тогда слушайте сюда, – и Судоплатов перешел к делу.

Да, задачка. Наши отцы всемогущие перешли от слов к делу. Причем довольно рьяно. Оказывается, уже отработали три только что созданные группы «ликвидаторов». Результат – упокоился один из лучших знатоков танковых прорывов. Двум другим группам так не повезло. И задание не выполнили, и сами не вернулись. Мою группу посылали именно на ту цель, которую упустили те пропавшие. Цель и вправду казалась серьезной.

– Пойдете опять «мышами». В этот раз поддержки не жди, сами по себе, – продолжал терзание Судоплатов. Истомин все время тихо стоял в сторонке и усиленно кусал губы. Чего это Петрович так нервничает? Да, я понимаю, что дорога практически в один конец, но сам выбрал этот путь. Да и опыт, какой-никакой, но насобирал. Уже не мальчик.

– Как у вас с составом, все необходимое собрали?

– Так точно, есть мелочи небольшие, ближе к выходу думал спросить, – отвечал я.

– Вот и говори, выход-то у вас – послезавтра.

– Ого! Даже так? Мы сейчас с Саней обсудим. Разрешите?

– Давай побыстрее, – Судоплатов махнул рукой Истомину, подзывая того. А мы с Зиминным отошли в другой конец кабинета.

А кабинет у Павла Анатольевича довольно скромный. Нет, он тоже был большой, как и у Берии, но обставлен очень

просто. Да и к чему роскошь человеку, который в нем бывает два часа в неделю, это – в лучшем случае. Стены отделаны тем же дубовым шпоном, два стола с зеленым сукном. Десяток стульев. В углу притаился радиоприемник, здоровый как шкаф.

– Саня, ты вчера говорил о взрывчатке, много надо?

– Серег, я ведь и дела-то еще не знаю. Может, там и не надо ее вовсе. Килограмма два, может три.

– Давай уж пять. Распихаем каждому. Вдруг опять срываться надо будет так, что придется чего-нибудь разрушить. Знаю я вас уже – не возьмем, потом стонать будете.

– Хорошо, берем пять, главное – гранаты, мины, дым, масксети для нас. У вас свои «лешаки» есть.

Да, костюмы мы уже оценили. «Леший», причем натуральный. Краску для рожи меня Равшан научил делать такую, чтобы запаха не было.

– Смеси у нас достаточно? – спросил я про «кайенскую смесь», которой собачек сбивать со следа.

– Да полно. Этот твой, учитель который, научил Мурата. Тот целый мешок запас. Мешочки придумал на сапоги – привязал и иди себе по лесу. Порошочек сам тихонько сыплется.

– Молодцы. Давай еще раз быстро «пробежимся» – ничего не забыли? А то потом, может, уже и некогда будет.

Решали мы минут десять, если бы командиры не прервали – хрен его знает, сколько мы еще бы протрепались.

– Хорош уже, сколько ни думай, все равно чего-нибудь

забудете. Всегда так бывает, по себе знаю, – произнес Судоплатов.

– Хорошо, сейчас список накатаем, – заключил я.

– Только покороче, – предупредил Павел Анатольевич, – а то, поди, целый эшелон закажешь.

– Да нет, мы по-скромному. Всего, и – побольше.

– Автоматы новые не берите, – Истомин подключился.

– Так и поняли. Заброска самолетом?

– Самолетом в Ленинград, оттуда машиной. Оставляете ее километрах в двадцати. Возвращение сами обдумайте и представьте письменно. Я предполагаю – тем же путем. Просто самый короткий путь до нашего «передка». На восток и юг просто нереально дойти.

– Есть! – хором ответили мы с Саней.

Список был длинным. Зимин старался на славу. Только зря – доблестные командиры сократили его почти вполонину.

Автоматы, пулемет для Вано, бинокли, ножи, форма – все немецкое. Гранаты, мины и взрывчатка – наши, советские. С таким набором и предстояло выходить.

На следующий день мы с Муратом с самого утра умчались на полигон. Надо было последний раз вдоволь пострелять. Шутка, я хотел закрепить навыки по стрельбе в грудную мишень на 1000 метров. Группы до нас «спалились», скорее всего, из-за того, что подошли слишком близко. По себе знаю – спецов для стрельбы с таких дистанций у нас не

было. Нет, где-нибудь самородок какой может и есть, но где его искать? Стрельба по живой мишени не то же самое, что на полигоне. А выстрел должен быть только один. Ну, ладно, два. Пока звук от первого выстрела долетит до цели, можно выстрелить еще. А немцы, как назло, становятся все умнее, битые уже. В тылах у них порядок почти образцовый. Ладно, будем посмотреть. Сейчас стрелять, потом за карты и сводки засядем.

За последние две недели мы с Муратом здорово привыкли к «Винчестеру». Меня только несколько напрягала вместимость магазина, всего три патрона. У Мурата калибр поменьше, у него стандартные пять штук. Сделали крепления на приклад под патроны. Перезарядка стала гораздо быстрее. Благодаря большому экстрактору, заряжать винтовку с оптикой по одному патрону получалось гораздо быстрее, чем фрицевский карабин. С которого вообще-то и сделали «Винчестер».

После стрельб мы колдовали над картой. Мурат на этот раз выступил в роли стратега.

– Серег, смотри, – начал он, склонившись над картой. – Заходить будем с востока или...

– Или. Посмотри данные разведки.

– Вот я и подумал: северо-запад прикрыт меньше всего, это и в сводке указывается.

– Правильно, откуда там нашим взяться – из Эстонии, что

ли?

– Нам НАДО зайти именно оттуда, – сделав ударение на слово «надо», закончил Мурат.

Уже поздно вечером мы снова побывали у Судоплатова, изложили примерный план. Тот внес свои коррективы, которые были нам на руку.

– Мы пустим одиночный самолет, без прикрытия, он пойдет с востока и скинет «обманку» километрах в пяти от позиций гитлеровцев. Вы должны быть в указанной точке к восьми вечера. К часу ночи достигнете позиций врага. Дальше – по обстоятельствам.

Долетели довольно быстро. Один раз только чуть не обделались. Где-то совсем близко прогрохотали выстрелы. Какой-то герой на «мессере» захотел нас приземлить. С нами шли два новых «Яка», так те, особо не напрягаясь, быстренько его сбили. Дальше полет был спокойным.

Меня поразил Ленинград. Город словно ожил, нигде не видно умерших и застывших от голода людей, как в начале зимы. Тогда люди часто умирали на улице, на них даже внимания почти не обращали. От голода и холода люди были равнодушны ко всему. Сейчас другое дело, вокруг много зелени, грохот войны досюда почти не долетает. И люди стали уверенней, что ли, на лицах появились улыбки.

В городе мы не задержались. Прямо с аэродрома Михалыча отправили принимать машину. Дали почти новый ЗиС

с закрытым кузовом. Никаких докладов, рапортов, никто к нам не проявлял излишнего внимания. Видимо, все предупреждены. Слова лишнего сказано не было. Быстренько перекусив и обговорив дорогу, выехали.

Ехали долго и муторно. ЗиС нещадно трясло во всех плоскостях. Хороши будут вояки, да нас тут растрясет так, что к выходу на цель мы будем никакие. На место, откуда двинемся пешком, прибыли на час раньше, еще засветло. Михалыча отправили назад в город, договорившись, что будет ждать здесь же через два дня. Мурат умчался в разведку, прихватив с собой Толяна. Правильно, пусть ума набирается, хватит ему уже меня «пасти». Да и Мурату надо прекращать ползать, он теперь мой второй номер, вот со мной и будет брюхо протирать. С Зиминим мы целый час обсчитывали варианты. Наилучшим признали тот, что гарантировал выход к объекту на дистанцию восемьсот. Приемлемо. А для моей новой винтовки вообще прекрасное расстояние. У нее прямой выстрел на пяти сотнях, поправка нужна минимальная. Вернувшись, казах вместо доклада взял себя за горло руками и показал высунутый язык.

– Чего, устал? – поинтересовался я.

– Вилы, говорю, – жестко ответил казах. Нахватались все словечек из «будущего». – Немчуры – как грязи осенью. В одном месте только никого...

– Болото? – нахмурившись, спросил я.

– Оно самое. Да только зря немчура надеется, что оно топ-

кое, пройдем. По болоту – примерно с полкилометра, потом ныряем в лесок. Дальше не ходили, извини, командир.

– Тогда от болота и сходим. Может, заодно и отдохнем там. Все, собрали шмотки, попрыгали и вперед. Нам еще топать и топать до этой гребаной Сосновки.

Судоплатов, ну не знаю я, откуда ему столько известно, сообщил следующее. В деревню Сосновка сегодня прибыло армейское командование, а вместе с ними должен приехать и командующий группой армий «Север». Немцам в руки попали два почти неповрежденных, новых танка. Видимо, начальство решило их посмотреть, перед отправкой нашей техники в Берлин. Нашей задачей было не уничтожить танки, а, воспользовавшись этим случаем, устранить командующего этой группировкой. Судоплатов говорил, что больно уж тот шустрый и его устранение внесет коррективы в планы гитлеровцев. Кюхлер хорошо показал себя, еще командуя 18-й армией, а теперь очень рьяно руководит всей группой армий. В отличие от известной мне истории, фон Лееб был отстранен гораздо позже. Кюхлер был назначен всего месяц назад, но уже делал попытки по новому охвату Ленинграда. Павел Анатольевич, изучив все материалы по новому командующему, предложил Ставке его ликвидацию как наиболее действенный ход. В Ставке его горячо поддержали. Если немецкие генералы поймут, почему их выбивают, может, и воевать начнут не так рьяно. Вот мы и чешем сюда, чтобы обстря-

пать это «дельце». Шансы на благоприятный исход операции поднялись выше, когда стало известно, что в Сосновке и вокруг нее располагалась «Голубая дивизия». А это далеко не немцы. Так что, если сможем подойти на расстояние выстрела, то дальше все будет зависеть от Кюхлера. Точнее – от его удачи: если она от него отвернется, то я увижу его в оптику. Думать я долго не буду.

Болото оказалось не таким простым, как рассказывал Мурат. Почти все окунулись прилично. Но трясины и, правда, не было. Выбрались на сушу, рассиживаться не стали, рванули в лес. Бурелом тут был знатный. Зашли всего на пятьдесят шагов, а видимость упала до предела.

– Так, лезем еще немного вглубь, разводим костер. Уже темнеет, а в лесу и вовсе тьма. Быстренько обсыхаем и движем дальше. Мурат!

– Да, командир? – казах подскочил ко мне.

– Мурат, на тебе разведка, как всегда.

– Все понял, вы сохните, я быстро.

– Командир, мне идти? – вскинулся Круглов.

– Давай, только слушай Мурата, пригодится.

– Понял, – и Толя направился за казахом.

Мы углубились в чащу весьма прилично. Здесь тоже иногда хлюпало под ногами, но пронесло. Найдя приличный овраг, развели костер. Почти по центру оврага росла огромная ель – то, что доктор прописал. Срубив нижние ветки, костер развели прямо под ней. Небольшой, но нам хватит.

Прямо на ветви навешали мокрую одежду. Дым будет подниматься по стволу и рассеиваться в густых ветвях. Дров набрали сухих, дыма почти и не было. Вокруг костра – наши полуголые тушки, мешали только комары. Эти пособники фашизма, казалось, работают напрямую на Гитлера, зажрали.

Вернулись из дозора Мурат с Толяном.

– Все тихо, командир. Подлесок очень густой, костер не разглядеть даже с нескольких метров. Дым вообще не видать. Далеко не ходили, но вряд ли здесь кто-то есть. Там дальше опять болотина, обходить надо западнее, там суше.

– Хорошо, сушитесь давайте, надо еще в желудок чего-нибудь закинуть.

Таким макаром мы лезли долго. Из леса вышли за полночь. Остановились. На этот раз Мурат ушел вместе с Зиминным. Им предстояло подобрать позиции и прикинуть план. Я полагался на его выбор, как на свой.

Через час Мурат докладывал.

– Нашел одно местечко: и для нас, и для прикрытия вполне подходящее. Метров четыреста с небольшим.

– Близко, – покачал я головой, сомневаясь.

– Это для парней. Сейчас я тебе расклад нарисую.

Казах принялся водить штыком по земле.

– Вот деревня, – пояснял он, показывая на изогнутую дугой колбасу.

– Больше на колбасу похоже, – засмеялся Ваню.

– Да помолчи ты, – шикнул на него казах.

– Продолжай, танки видел? – задал вопрос Зимин, показав Вану кулак.

– На краю деревни, вот тут, – Мурат воткнул нож в землю.

– Дорога, я так понимаю, идет с юга, и гостей ждать следует именно там? – я посмотрел на Мурата. Тот покачал головой.

– Нет, они уже там, – торжественно заявил казах.

– Ты, чего, прям так и видел? – опять вклинился Ваню.

– Ваню, дай он расскажет сначала. Хорошо перебивать, – рявкнул уже я.

– Молчу, молчу, – закрыл рукой рот Здоровый.

– Там машин столько стоит, я таких и не видел никогда.

Длинные, красивые заразы.

– Легковые, что ли? – не понял я.

– Ага. Так что, думаю, это их начальство.

– А если они все уже осмотрели и свалят сейчас? – в моем голосе проявилось волнение.

– Не кипишуй, командир, – ввернул очередное словечко из моего лексикона Мурат. – Я хорошо посмотрел, охраны почти не видно, значит – на постах. Видел тех, кто не прячется ходит. Ни хрена не «Голубые» – эсэсманы, издалека видно.

– Во как! Чего еще заметил?

– Да все вроде, Толя вон видел чего-то, пока я отползал, – махнул на Круглова рукой Мурат.

– Чего молчишь как рыба об лед? – с ухмылкой спросил

я Толю. Тот засмеялся и открыл рот.

– Фрицы машины командирские только вымыли, с ведрами долго бегали.

– Значит, только приехали. Или наоборот, готовятся уезжать, – продекламировал Зимин.

– Не, вряд ли. Немцы порядок блюдут. Командир из машины – водила моет, – предположил я и продолжил: – ладно, бойцы, или мы его с утра хлопнем, или они уедут ночью. Второе вряд ли – чего им по ночам шататься? С утра двинут, тогда мы в любом случае отработаем.

Все просохли быстро, ночь довольно теплая была. Решили выдвигаться на позиции. Воспользовавшись темнотой, ребята густо заминировали подходы к своим будущим позициям. В том направлении, где будем мы с Муратом, решили не светиться.

План был прост как три копейки. Парни в прикрытии начинают заварушку, постреливая редкими одиночными выстрелами в сторону противника, пытаясь привлечь. Если все пойдет как мы задумали, немцы ответят и попытаются быстренько ликвидировать возникшую угрозу. Там ведь эсэсмань, точно рванут. Парни подпускают их ближе и включают пулемет и автомат. Косят первых наглецов и быстренько отходят назад, где их ждет вторая группа. Вторая расположена в пятидесяти метрах позади и столько же левее. Если немцы увлекутся, то их ждут сюрпризы в виде кучи мин и растяжек. Засеяли почти все, что у нас было, оставив совсем немного

гранат на отход.

Тем временем, мы с Муратом лежим на восьми сотнях и правее нашего заслона. Деревня перед нами простреливается почти насквозь. Скопление солдат и техники указывает на то, что начальство тоже будет находиться в этой части деревни. Там как раз дома стоят подходящие. Так что, почти все зависит от того, смогу ли я воспользоваться моментом.

К утру все было готово. Все находились на своих местах. Действия в группе мы отрабатывали неоднократно – конечно, только на полигоне.

Я разложил свой «Винчестер», откинул сошки и стал оглядывать деревню в шикарный прицел. Ждать пришлось недолго, уже в начале восьмого в деревне началась нездоровая кутерьма. Немцы бегали как наскипидаренные.

Ровно в восемь из нескольких домов начали выползать офицеры. Их легко было распознать даже с такого расстояния, охрана их выдавала. Конечно, здесь еще непуганые все – никаких колец оцепления из сплошных спин не было. Генерал Кюхлер появился в восемь пятнадцать. С фуражкой в руке, он так и манил меня спустить курок. Хорошо помня урок Равшана, я сделал глубокий вдох и – выдохнул. Рано. Главное умение снайпера (именно СНАЙПЕРА, а не покойника) – умение ждать. Мой выстрел и, вообще, мое присутствие должно оставаться незамеченным как можно дольше.

Господа большие шишки столпились у нового КВ. Какой-то хрен машет руками, видимо, что-то объясняя генера-

лам.

Как ни готовился к началу, все равно вздрогнул от треснувшего выстрела позади деревни. Еще выстрел, еще. Немцы довольно быстро среагировали, как мы и предполагали. Несколько тел закрыли главных гитлеровцев, вода стволами своих МР-40 по сторонам. Я ждал. Вот группа солдат, человек двадцать, устремилась в сторону выстрелов. Застучали автоматы. Через минуту им ответил скорострельный МГ. Ваню поливал короткими злыми очередями. Толпа начала быстро расходиться. Мурат легонько тронул меня за плечо.

– Пора, командир, а то уйдет.

Ничего не ответив, я провожал стволом Кюхлера. Рядом с ним шел тот самый тип, что проводил экскурсию. Он все время перекрывал мне обзор. Видна была только голова, и то – немного. Черт, цель закрыта, ну что же так-то? Неужели уйдет? А, была – не была. Такой-то пулей! Не зря я неделю к токарям на патронном приставал. Родная пуля для этого патрона была со сферическим носиком. Долго объяснять токарю мне не пришлось. Люди-то вокруг далеко не тупые. Уж то, что делают каждый день, знают на зубок. Так вот, после заливки пули свинцом и охлаждения мы ее взвесили. В аптеку специально носил. Вместо родных десяти, пуля стала на два грамма тяжелей и остроконечная. Пороху пришлось тоже немного добавить, но уже после отстрела. С родной навеской результат не понравился, но, добавив всего менее полуграмма пороха, я нашел то, что искал. Гильза очень креп-

кая, на донце еще и утолщение, так что риска почти и не было. Пока только одно волнует, как это отразится на ресурсе ствола. Хотя в это время америкосы делали еще прекрасные стволы. Моя винтовка, кстати, 1939 года выпуска, но не пользованная ни разу. Со склада пришла. «Кучу» я собрал приемлемую, отдача почти не изменилась. Но энергия выросла реально и увод снизился. На стрельбах я с восьмисот метров попал в кирпич, вторым выстрелом. Конечно, это уже после пристрелки. Кирпич в хлам. Вот с такой доработкой я и вышел на охоту. Кстати, Истомин рассказал, что в одну из шарашек отдали на изучение такой «Винчестер». Должны и наши научиться делать хорошие стволы и затворную группу. А то взял тут ПТР на заводе, из партии, что готовилась к отправке на фронт, так охренел от заусениц на экстракторе. А что у нее внутри? Ладно, отвлекся.

Все-таки я решил больше не ждать. Винтовка звонко хлопнула, слегка подпрыгнув на сошках. Трава вокруг была сырая от росы, пыли не было совсем. Я быстро навел заново прицел – твою...! Экскурсовод валялся на земле, а вот генерала Кюхлера, подхватив под руки, уже несли к дому. Черт! Видимо, только зацепил. Ну ничего, слава богу, есть еще шанс. Дом, к которому его ведут, стоит чуть под углом ко мне. Дверь узкая, втроем не пройдут.

Бах. Готово. Голова Кюхлера просто отвалилась. Расстояние было приличным, стрелял я, конечно, в спину, но попал

куда-то между лопаток. При такой пуле – нет шансов.

– Ни хрена себе, командир, пора уходить. Смотри! – толкнул меня в плечо казах.

Я перевел взгляд туда, куда указал Мурат. В оптическом прицеле показался зенитный автомат, который опускал ствол прямо на нас.

– Твою дивизию! – воскликнул я. – Ноги.

Стрелять по зенитчикам – даже мысли такой не было. Время только терять.

Да, давно я так не бегал. За нашей позицией находился небольшой овраг. Едва мы спрыгнули вниз, как холмик за нами разлетелся от взрыва. В спину ударили крупные комья земли.

– Ёперный театр, Мурат, как ты не заметил зенитку? – на бегу выкрикнул я.

– Да она на бэтээре у них, сетью накрыта была. Не разглядел. Как увидел, что сеть снимают, тебе и сказал.

– Давай в чашу. Мне надо винтовку за спину перекинуть, а то я с ней так долго не смогу бежать.

Винтовка наровила зацепиться за каждое дерево. А ремни на «Винчестер» я себе сделал на манер биатлонных. Снимать получалось довольно быстро, да и не мешает двигаться.

– Туда, – показал влево казах.

Где-то вдалеке раздалась серия взрывов. Сработали подарки, но и парням теперь валить надо со всех ног. Пока немчура будет пытаться проход в минах нащупать, они должны

успеть свалить.

Деда, Круглова и Костю Иванова мы обнаружили быстро. Как и условились, встретились и пошли к болоту.

– А где эти два гоблина? – запыхаясь, спросил я у Толяна.

– Кто? – протянул в удивлении Круглов.

– Да Ваню с Зиминим.

– А-а-а! Они в сторону дернули. Наверное, немчуру запутать хотят.

– Сусанины хреновы. Опять все через... Ладно, разбор потом. Может, в «точку два» выйдут. Как всегда, любой план летит к чертям при первом выстреле.

Второй точкой сбора было место в чаще леса, где мы сохли после купания в болоте. К ней вышли к полудню. Зимина с Ваню не было и здесь.

– Где эти олухи? – выругался я, пытаюсь скрыть волнение. – Следующая точка – встреча с Михалычем.

– У них еще день есть, – заметил Мурат, – может, я схожу, поищу их?

– Нет. Ты слышал приказ. Дело сделано, если не вернутся к вечеру – уходим одни. Будем надеяться, что сами выйдут, – мне самому было тошно от лезущих в голову мыслей.

– Понял. Разведу огонь пока.

– Давай, надо перекусить.

Мы просидели в лесу до позднего вечера. Парни так и не вернулись.

– Надо уходить. Времени осталось только, чтобы вернуть-

ся. И так задержались.

– Может, еще подождем? – неуверенно произнес Круглов.

– Ребят, мы ведь ничего не знаем. Может, фрицы уже всю округу прочесывают? Дорога у нас одна, на Ленинград. В этом направлении и будут искать, они ведь тоже не идиоты, – покачал головой я.

– Кстати, а чего над нами никто не летал? – вдруг подал голос Мурат.

– А кто их знает! Может, потому, что парни их в другую сторону повели. Они ведь к реке ушли, а она южнее течет.

– Немного у них шансов, – заключил казах.

– Ну, вдвоем-то может и пролезут. Вопрос только – куда? По карте тут кругом одно сплошное фашистское гнездо.

– Мы там в прошлом году отступали. Если смогут по реке уйти, то может, и получится скрыться, – предположил Мурат.

– Хлипкий вариант. Фронт тут сплошной – от границы до Новгорода. Только лесами, – подвел я черту.

Мы молча собирались, когда над головами послышалось мерное гудение моторов.

– Накаркал! – прохрипел я, глядя на казаха. – Теперь и за нас возьмутся.

– Здесь нас не видно. Лес очень густой, – ответил на мой выпад Мурат.

– Ага. И чего, так и останемся здесь до победы? Болотом пойдем – там нас заметят, а на выходе возьмут. Давай, дуй

на окраину, оглядись, – приказал я казаху.

– Серег, чего делать-то? – проснулся Дед.

– Сидим пока, – я устало рухнул на землю.

Мурат гулял недолго, вернулся через полчаса.

– На окраине никого и «рама» вроде ушла, – доложил он, отдышавшись.

– Надо двигать, вдруг и вправду зажмут.

Мы шли очень осторожно, постоянно прислушиваясь. Повезло, никто нас не ждал.

– Серег, ну чего, опять купаться? – спросил казах.

– Где немцы? – коротко ответил я вопросом.

Мурат потер затылок кулаком.

– Когда сюда шли, они вокруг болота почти кольцом стояли.

– Давай карту, – попросил я.

Мурат быстренько развернул карту, и, склонившись над ней, мы задумались.

– Слева деревню видишь? – спросил я.

– Внаглую хочешь? – вопросом ответил казах.

– Есть другие варианты? – в свою очередь, задал вопрос я.

– Понял! – протянул Мурат. – Я пойду?

– Толяна бери и – вперед. Мы ждем час, затем выходим.

Выйдешь навстречу.

– Все ясно. Толя, готов? – вешая автомат на плечо, спросил Мурат.

– А я как пионер, – ухмыльнулся Круглов.

– Дед, Костян?

– Да, командир? – вытянулись оба бойца.

– Собирайтесь, час пройдет быстро.

Было немного тяжело – у меня за спиной висела моя винтовка, да пришлось у Мурата забрать и его ствол. Парни шли с автоматами, но у Деда еще и рация. Кроме того, оставшиеся гранаты мы разделили.

Мурат выскочил на нас неожиданно.

– В деревне – пять домов. Три разрушены, в двух немцы квартируют. Деревенька, скорее всего, старая – дома больно обветшавшие. Что там за вояки – не знаю. Серьезного ничего нет. Пара кобыл, две телеги, мотоцикл. Солдат насчитал полтора десятка, Толян их сейчас считает. Может, больше.

– Ясно, попробуем прорваться напрямую, – задумчиво проговорил я.

– Так и думаю. Только это, командир... – замялся Мурат.

– Чего еще? – нахмурился я.

– Да странные они какие-то.

– В смысле?

– Ну, грязные, что ли. Немцы-то вроде всегда порядок поддерживают. А тут – как на передовой.

– Похоже, я понимаю – кто они, – закусив губу, я поморщился. Неужели...

– И кто?

– Да есть подозрение, что наши это, точнее – предатели.

– Думаешь? С чего их одних оставят?

– А кто сказал, что одних, может, пяток фрицев с ними, из штрафников каких-нибудь. Местных видел?

– Гражданских никого, специально разглядывал.

– А за домами не смотрел?

– Думаешь... – Мурат словно подавился.

– Точно, – я снова скривился.

– Э, командир, о чем это вы? – влез Дед.

– Увидишь, Ваня, увидишь. Ты пострелять хотел? Будет тебе счастье, вдоволь настреляешься, – заключил я и добавил про себя, – хотя лучше не видеть, если там то, что я думаю.

Когда подходили к деревне, точнее – к тому, что от нее осталось, увидели Толяна. Тот сидел как статуя и натурально ревел.

– Ты чего сопли распустил? – грубо начал я.

– Командир, это не люди! Девку, лет пятнадцати, вчетвером в сарае... – почти по слогам выдавливал Толя.

– Тихо, успокойся. На, глотни, – я протянул Круглову флягу со спиртом.

– Мурат, давай план, ты тут все-таки осмотрелся.

– Пойдем прямо, командир. Рыпнуться не успеют.

– Втроем идем. Дед, заходишь слева, Костян – справа. Первыми не стрелять. Если начнут разбегаться – валите всех, некогда разбираться.

– Есть! – хором ответили бойцы.

– Проверьте оружие, перезаряжать придется быстро. Му-

рат!

– Да, командир.

– Как обычно, начинаем по очереди. Когда последний стреляет – первый меняет магазин.

– Все как всегда. Толян, не забыл? – обратился к Круглову Мурад.

– Не забыл, – вытирая глаза, проговорил Толя.

А я отметил про себя, что в моем друге сломался предохранитель.

– Тогда начнем. Удачи всем, – я передернул затвор МР.

Это был не бой, даже не бойня. Мы просто шли и стреляли короткими очередями в упор. Кого куда – даже не смотрели. Упал, значит, не боец. Да их и не было. Мы просто уничтожали эту мразь. Они пытались, конечно, отстреливаться, но как-то плохо у них это получалось. Только один, засевший в доме, причинил некоторое беспокойство. Его щедро закидали гранатами.

Один из этих уродов нам достался почти целым. После беседы Толяна с его ребрами и почками он скулил, сидя в луже собственной мочи и крови. Ребята, после услышанного от пленного, даже не моргнув глазом вернулись и добились ножами тех, кто еще дышал. Причем, резали глотки.

– Серега. Там... – у казаха не было слов.

– Показывай! – коротко бросил я.

В сарае, за одним из домов, мы нашли местных – то, что от них осталось. Восемь женщин, шестеро детей, два старика.

– Вашу... Командир, я такого еще не видел, – проскрипел зубами Мурат. Людей словно выпотрошили, крови просто река.

– Лучше бы и дальше не видеть. Давай этого козла к забору.

– Просто расстреляем? – сплюнул Мурат.

– Слабовато как-то. Дед! – повернул я голову к двери, ожидая появления Деда.

– Да, командир? – тот не заставил себя ждать.

– Найди гвозди побольше или скобы.

– Есть! – козырнув, тот умчался на поиски.

– Все вернулись?

– Ага, снаружи стоят.

– Костян, иди сюда, – крикнул я.

В дверях показался Иванов.

– Звали? – спросил он, но, увидев тела изуродованных людей, метнулся назад. Послышались звуки вырывающейся наружу пищи.

– О, как его прошибло, – удивился Мурат.

– А себя вспомни – в прошлом году, – бросил я.

– А чего я-то?

– Проехали, пошли, надо думать, как дальше быть.

В эту минуту в сарай вбежал Дед.

– Командир, там наши! – прокричал он.

– Мурат, идем, – махнул я рукой казаху.

Нашими оказались Зимин и Ваню. Принесли друг друга.

– Давайте их в дом, быстро, – приказал я.

Парней потащили в единственный оставшийся целым домишко. Второй мы гранатами испохабили. По дороге наши бравые вояки пытались, было, что-то говорить, но их никто не слушал. Оба наших товарища были улеплены грязью и кровью до ушей.

– Как вы? – зайдя в дом, начал я разговор.

– Командир, дайте сожрать чего-нибудь. Мы со вчерашнего дня ничего не ели.

– Костя, у тебя осталось чего? – повернулся я к Иванову.

– Нет, командир, – потупил взгляд Костя.

– Давай сюда Деда, бери Круглова и заканчивайте с пленным.

– Да висит уже, – услышал я голос вошедшего Деда. – Вон, Толян идет.

Я молча кивнул и продолжил:

– Вы чего, к реке махнули?

– Нет, сначала на юг, думали – оторвемся. Мины нас прикрыли хорошо. Прошли пару километров, на подходе к лесу чуть не попались. Там в лесочке – замаскированные танки. Нас шуганули из пулемета, но погоню устраивать не стали. Пришлось, широко огибая, идти назад. Тут разведчик в небе показался, а через пять минут немцы как жахнули, мы чуть не обделались.

– Как же вылезли-то? – удивился я.

– Каком кверху. Вышли на заслон, у кострища в чаще ле-

са. Где сушились, помнишь? Там нас прижали. Расстреляв все до железки, пришлось утопить в болоте пулемет и мой МР. С двумя пистолетами двинули на немчуру, а их оказалось только пятеро. Живых, в смысле. Позже насчитали двадцать три трупа. Взяли оружие и побрели к болоту. Ага, спасибо! – кивнул Зимин Деду, открывшему для них по банке «тушняка».

– Значит, немцы у нас на хвосте сидели? Мы ведь совсем недавно оттуда ушли.

– Точно. Только закончили их шмонать, услышали здесь стрельбу, ну и рванули сюда. Опоздали только. Сил уже нет. Как они вас не взяли, не знаю.

– Ранения сильные? – спросил Мурат, доставая с печки чью-то рубаху, сильно поношенную, но чистую.

– Меня вроде осколком зацепило – эти говнюки нас еще и гранатами угостили. Ваню пулю поймал.

– Мурат, давай, погляди, чего там у них.

У Зимина было большое рассечение на голове, Ваню держал на перевязи руку.

– Сотрясение может быть, – сказал Мурат после осмотра.

– Ага, всю дорогу блевал, – подтвердил Ваню, покачав головой. – У меня – сквозное, чуть ниже плеча. Саня уже ранен был, неудобно было перевязываться самому. Да и некогда было.

– Сейчас все сделаем, – Мурат уже рвал на полоски рубаху.

– Костян, дуй на улицу, смотри в оба. Придется здесь задержаться.

– Серег, нельзя. Думаю, немчура скоро выйдет на деревеньку, – предположил Зимин.

Я задумался – раненый предатель поведал, что угнали их сюда специально, на время, пока начальство с проверками ездит. Когда командующий закончит свой визит, за ними приедут. Этих сволочей использовали для сбора продуктов солдатам Вермахта. А они заодно занялись разбоем. Немцы поощряли такие действия, даже создали спецгруппу. Одна часть здесь и действовала. Пленный клялся, что это первая деревня, в которой они такое устроили, но верить ему...

– Командир, я закончил, – донеслось до меня.

– Тогда пять минут на сборы и – уходим. И так уже время встречи с Михалычем вышло. Придется на своих двоих до Ленинграда топать.

– Ни хрена себе, – воскликнул Ваню, – тут же сотня километров.

– А ты чего хотел? Надейся, что Михалыч опять приказ нарушит и прождет больше чем надо.

– Серег, с патронами как? – поинтересовался Зимин. Свое оружие они с Ваню в болоте утопили.

– Да не очень. У этих, – я кивнул, показывая на улицу, – одни винтовки были. Патронов, думаю, мало. На мотоцикле пулемет должен быть, надо глянуть.

– Есть. В смысле – пулемет есть! – вдруг подал голос Толя

Круглов. – Я смотрел уже. Две банки патронов.

– Стоп. Фрица с автоматом мы положили через дом отсюда. А кто у него за пулеметчика был?

– Вашу..., – тихо выругался Дед.

– Ну-ка, ну-ка, поясни? – уцепился я.

– Да говорил Костяну, что вроде видел одного бегущего к лесу, так не поверил.

– Да показалось тебе, – встрял Костя Иванов.

– Так, где же пулеметчик? – продолжал я.

– Командир, упустили, похоже. Виноват я, думал, показалось.

– Так! Приплыли. Этот урод говорил, что таких групп было несколько. Никто карту не находил?

– В доме были какие-то бумаги, – начал Толя.

– Бегом, неси все сюда, – заорал я.

Карта нашлась. Только обозначений на ней – кот наплакал. Но пометку со значком «РОНА» я срисовал сразу.

– Серег, чего скажешь, – подошел Зимин.

– Есть контакт. Западнее, за речкой, три километра. Деревня Старое Маслово, там отряд таких же упырей.

– А где ты увидел? – спросил Саня, разглядывая карту.

– Вот, видишь значок? – ткнул я пальцем в название деревни.

– Чего такое «РОНА»? – почесал в затылке Зимин.

– Это они так себя обозвали – «Русские освободители».

– Вот суки! И кого они освобождают? – выматерился Му-

рат.

– Россию, от жидов и коммунистов. Слышал я про это немного, не думал, что придется столкнуться.

– И чего, пойдём туда? – поднял бровь Мурат.

– Если убежавший туда двинул, то он будет там раньше.

Не успеём перехватить, а вот засаду им устроить можно.

– Это если они сюда пойдут, – мрачно заметил Зимин, покачав головой.

– А если он к фрицам двинул, ведь пулеметчик наверняка фриц? – продолжал сомневаться казах.

– Точно, фриц. Наверное, вертухаем был при предателях. Ну или присматривал просто, вместе с тем, кого мы положили. Мурат, где ближайшие гансы?

– Так у болота, километра четыре. Ближе нет вроде бы. Чего делать-то тогда?

– В любом случае, отсюда нужно уходить. Вряд ли подумают, что мы пойдём на Старую Масловку. А мы и там пошумим.

– Командир, ты хочешь всех этих сволочей вырезать, а приказ? – покачал забинтованной головой Зимин.

– У нас обстоятельства. Мы уходим от преследования, по пути давим всякое говно. Чем мы нарушаем приказ?

– Ну, может, и прокатит. Выйти к месту сбора не представлялось возможным, – вдруг раскрыл рот молчавший до этого Ваню.

– Решено. Все готовы? – хлопая себя по карманам, спро-

сил я.

– Так точно! – хором рявкнула вся наша свора.

– Командир, я вперед пойду, – доставая из мешка глушитель, сказал Мурат.

– Давай. Толян, чего стоишь? Тебе с ним идти! Глушитель не потерял?

– Нет, сейчас приделаю, – отозвался Круглов, в свою очередь, снимая с плеча мешок.

– Мурат, стрелять только в крайнем случае.

– Да не маленький, сам понимаю, – чуть обиженно проговорил казах.

– Смотри, – я снова ткнул в карту. – Мы пойдем не прямо, а заберем чуть севернее. Там где-то фрицы сидят, попробуем ближе к ним пройти.

– Хорошо, мы туда и потопаем. Не засиживайтесь, – хмыкнул казах.

– Выходим через тридцать минут. Все, до встречи.

– Есть! – ответили мои дозорные, чем опять удивили меня.

Выйти удалось вовремя. Как только достигли леса, над головой вновь появился шум моторов.

– Как мы так успели-то, командир, ты их чуешь, что ли? – удивился Зимин.

– Ага, задницей. Она у меня на них настроена, – пошутил я и исчез вслед за парнями в лесу.

В лесу было хорошо, если бы не комары. Можно было по-

думать, что и войны нет. Кто-то чирикает на все лады, черника уже появляется, мы даже поклевали немного. Шли спокойным шагом минут двадцать. Идиллию нарушил Круглов. Побродив с Муратом, тоже стал появляться почти как тень.

– Серега, «наш орел» там. Мурат позицию выбирает.

– С чего решили, что фриц там? Видели, что ли?

– Нет, просто там все бегают, готовятся к чему-то, Мурат думает, что выдвинутся скоро.

– Ну, если казах так думает, то так и есть. Рассказывай.

Дело было сложным. Предателей, вместе с приданными фрицами, было около двух взводов. Но это ерунда. А вот то, что в километре – танковый взвод и минимум пехотная рота гитлеровцев, не есть гуд.

– Серег, это для нас уже слишком, – заявил Зимин.

– У Мурата есть идея, – вклинился Толя.

– Продолжай, – кивнул я, не обращая внимания на потуги

Сани меня вразумить.

– Сейчас сам придет и расскажет, – ответил Круглов.

– Хорошо, подождем.

Ждать не пришлось, Мурат появился уже через десять минут.

– Серег, они выходят. Немчуры с ними десяток. Остальные – эти, «освободители».

– Сколько всего? И далеко ли?

– Выходят пешими, взвод уродов и, как и сказал, десяток немцев. Если рванем бегом, то успеем подготовить сюрприз.

зы. Растягиваться они не будут, вряд ли у них задача лес прочесывать. Пойдут толпой.

– Все слышали, бегом марш! – скомандовал я и сам повернул в обратную сторону.

Предстояло заныкаться на пути противника, подготовить ловушки. Серьезного сделать уже ничего не успеем, но облегчить себе задачу реально.

– Серега, вон полянка чудная. Ваню с пулеметом на пригорок – они у него как на ладони будут. Выход на поляну узкий, большинство здесь и останется.

– Ваню, ты слышал. Дед – с ним, помогать будешь. Костян – на левый фланг, вон под ту березу, – я указал рукой на огромную толстую березу. Дерево было старым и очень большим, на высоте трех метров ствол разделялся на три отдельных.

– Командир, смотри, как ветки висят. Можно, я наверх? – предложил Иванов.

– Давай, только быстро лезь и сядь так, чтобы сразу не заметили. Вон как веточки удачно висят. Только прыгай оттуда сразу, как только в тебя полетит.

– Понял, – Костя полез на дерево. Какое-то время он сможет отсюда пострелять.

Мы рассчитывали на глушители, которые стали делать всем разведгруппам на МР-40. Ну и гостинцы, что сейчас устанавливает Мурат, лишними не будут. Он опутал растяжками всю поляну и подходы. Выманим сюда – и начнем.

– Серега, я пойду, позову загонщиков. А то еще свернут, куда не надо.

– Давай, Саня, только осторожней.

Зимин умчался назад. Правильно, надо же врага приманить как-то.

– Все по местам, – крикнул я, выкладывая магазины для МР-40. Мурат будет работать из снайперки. Свою винтовку я раскладывать не буду. Вряд ли будут цели для нее.

Вся опушка была как дачные участки в моем времени – соток шесть, не больше. Для МР-40 в самый раз. У нас на них глушители, что даст нам преимущество в начале. Попробуем первыми выстрелами уничтожить как можно больше врагов. Вперед им ходу нет, в стороны – тоже. Если попытаются отойти, будем их расстреливать как в тире.

Через четверть часа из леса вылетел Зимин. Несся как угорелый. Позади него, метрах в десяти, вылезли два немца, именно немца. Две приглушенные глушителем короткие очереди – и оба гитлеровца уткнулись в землю.

Сунувшиеся было за «первенцами» остальные, увидев трупы, нырнули обратно. Выстрелов им слышно не было, поэтому, чуть помедлив, начали высовываться. В первой шеренге были только предатели – форма у них другая немного и знаков различия никаких нет. За их спинами виднелась фигура в фуражке.

– Мурат! – тихо окликнул я казаха, тот лежал в пяти метрах от меня. Мурат только кивнул и приложился к прицелу.

Скорее всего – понял. Выстрел, офицер ли там был или еще кто – по фигу, упал красиво, раскинув мозгами. Здесь надо отдать должное врагу, рассредоточились и залегли они очень быстро. А когда по нашему краю прошла длиннющая очередь из МГ, стало даже страшновато.

Немчура и их пособники открыли беспорядочный огонь в нашу сторону. Видеть они нас не могли, стреляли на подавление. А мы спокойно ждали, изредка постреливая по наглицам, решившим высунуться. Один Мурат прибил пятерых ушлепков, ну и мы, может, по одному каждый. Остается еще целый взвод. Ага! Рванула растяжка слева, кто-то шибко умный в обход пошел. Я отполз к Мурату.

– Смотри лучше, сами эти вояки до маневра не «дойдут», кто-то ими рулит.

– Понял уже. Вроде видел какого-то попугая, расшитого серебром. Буду искать, – ответил мне казах, не отрываясь от прицела.

– Спроси у Костяна – может, он сверху видит? – предположил я.

– Ага, кстати, он еще не стрелял, его не видят.

– Вот и пускай себе молчит, корректировщиком поработает. Ты пулеметчика у них срезал?

– Конечно, сразу как тот стрелять начал. Других не видел, вроде бы только один ствол был.

– Ну, так и за тот кто-нибудь сейчас ляжет. Пойду-ка я свою фузею расчехлю! – я пополз назад, на свою позицию.

Стрельба была уже довольно вялая, противник соображал – как нас взять.

– Чего, по трое сразу будешь валить? – до меня донесся смешок казаха. Отвечать я не стал. Орать не хотелось.

Довольно быстро снарядил семидесятку и откинул сошки.

– Саня, как там обстановка, – спросил я у Зимина. Лежа за бугорком, поля боя мне было не видно.

– Вылезай, тихо пока, – и правда, после второй растяжки слева, рванула одна и с другой стороны. Противник взял паузу.

– Отошли или лежат? – продолжал я.

– Кто впереди был – лежит, пытаются отползти. Но и в лесу шевелится кто-то. О, вон Мурат очередного положил. Давай, присоединяйся.

Быстро копнув пару раз лопаткой, сделал углубление под сошки, чтобы целиком не вылезать. Выставил прицел на минимум и установил винтовку так, чтобы над землей был один ствол с прицелом. Прильнув к оптике – охренел. Близко-то как. Хоть пальцы по очереди отстреливай. А еще я разглядел среди деревьев присевших солдат. Те, отчаянно жестикулируя, о чем-то спорили, думая, что их не видно. Ага, хрен вам по всей морде лица, а это у нас что?

Укрываясь под большими ветками кустарника, сидел человек в наушниках.

Бабах. А вот не надо никуда звонить. Ты в роуминге, исходящие здесь дорогие. Голова радиста перестала существо-

вать. Разлетелась в пыль – еще бы, моей пулей, да с сотни метров. Грохот выстрела был серьезным, над поляной на несколько секунд повисло эхо.

– Серег, ну ни хрена у тебя «весло»... – пробормотал Зимин.

– Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети, – продекламировал я и невольно заржал. Надо же такое вспомнить. А главное ведь – в тему.

Поведя осторожно стволом по сторонам, я обнаружил пулемет. За ним пока никого не было, а может, Мурат уже убрал. Да по фигу, попробовать вывести из строя пулемет? А что? Может, и получится. Так, вот ствол, вот – банка с патронами. Да, зашибись оптика. Выстрелил, передернул затвор и посмотрел в оптику. Э, а где пулемет?

– Серега, ты чего, снарядом выстрелил, что ли? Там пулемет, кувыркаясь, в кусты улетел.

– Я старался! – лаконично ответил я. А про себя добавил: не хотел бы я, чтобы в меня такой снаряд прилетел. Пуля-то вообще-то не очень и большая, есть и намного больше, но сильна, сильна!

– Они валить собрались. Догонять будем? – снова подал голос Зимин.

– Всем, огонь, – прокричал я.

Мы ударили со всех стволов. В оптику я хорошо видел, как не успевшие далеко уйти враги падали один за другим. Пока перезаряжали оружие, раздался голос Мурата:

– Серег, они там сдаваться задумали.

Я глянул в прицел. Точно, даже тряпку белую где-то на-шли.

– Осторожно, всем внимание. Саня, крикни им, чтобы сю-да шли.

Зимин что-то кричал выходящим из-за деревьев солдатам противника, а я рассматривал их в оптику.

Офицер у немчуры все же был. Обер-лейтенант Клаус, как узнали позже, и приказал поднять ручки. Немец вовремя смекнул, что уйти им так просто не дадут, а жить-то хочется.

Сдались восемнадцать человек. Немцев среди них было шестеро, их оставили в живых. Предателей парни сразу по-ставили в рядок и расстреляли. Позже, во время беседы с офицером вермахта, я удивился его реакции на наше дей-ствие.

– Мы с вами враги, но нас вы оставили в живых, а своих расстреляли. Я не понимаю ваших действий, – заявил мне Клаус.

– И не пытайтесь. Ваши люди ничем не лучше, но вы вер-но заметили: мы – враги. А этот сброд уничтожал русских людей. Они нам – не свои. Как вы бы поступили, если бы ваши люди стали насиловать и убивать мирных немцев?

– Э, господин офицер, я затрудняюсь с ответом, – фриц явно был смущен.

– Господин лейтенант, войну ведут военные. А когда во-енные начинают истреблять мирных жителей – женщин, де-

тей, стариков – это уже не война. Вы, наверное, тоже участвовали в таких «мероприятиях», спрос будет и с вас, но эту мразь мы будем резать как свиней.

Немец мотал головой и хлопал глазами. Было видно, что в такой ситуации он – впервые. Не то – что попал в плен, а, вообще, сталкивается с русскими так близко.

– Что будет со мной и моими солдатами, господин офицер, простите, не знаю вашего звания?

– В принципе – такое же, как у вас, герр обер-лейтенант. Как давно вы на фронте?

– Перевели в марте, до этого я был во Франции, с самого начала кампании.

– Отдыхали, значит? Ну, здесь далеко не Париж.

– Успел для себя это отметить – я был под Ленинградом. Во время прорыва блокады, моя рота перестала существовать, так я и оказался в тылу.

– В наказание? Строго у вас.

– Да, командующий армией был очень недоволен. Мне еще повезло, многие попали под трибунал. Действия ваших войск были очень эффективны, нас просто сминали. А ваши новые танки... Я разговаривал с танкистами – они стали бояться идти в бой. Ждут новую технику. Преимущество в панцерах недолго будет у вас, уж извините за откровенность, господин лейтенант.

– Когда же ожидать ваших новых танков? – поинтересовался я.

– Я слышал, что к концу лета. Но это неточная информация, я ведь не танкист. Я служил в пехоте, а теперь поставлен в подразделение, действующее совместно с РОНА.

– Много у вас таких уродов? – кивнул я в сторону трупов.

– Нет, здесь была рота. Но ее и так уже прилично потрепали, плюс вы убавили. Их используют для всякой черной работы. На передовую посылают только в экстренных случаях. Для разминирования, причем их не ставят в известность, что впереди – мины.

– Ну, это и так ясно. Станут ли гордые арийцы лезть в пекло, когда есть вот такие воины. Еще вопрос, герр Клаус...

– Пожалуйста, если смогу – с удовольствием отвечу, – немец попался нормальный. Обычный вояка: чего усирать-ся, если все равно вытянут то, что нужно.

– Что за танки стоят недалеко от Старой Масловки? Сколько их и сколько пехоты?

– Танки на ремонт идут. Сам видел – здесь неподалеку ремонтная рота стоит. А пехота, наоборот, отправляется сегодня на передовую. Их подтягивали сюда на время приезда начальства. Собрали столько охранных войск, а все равно командующего прихлопнули. Говорят, издалека стреляли, и из чего-то большого и очень точного. Генерала теперь придется по кускам в Германию отправлять. Господин лейтенант, я видел у вас мощную винтовку. Это не вы, случаем, устроили налет на командующего?

– Вообще-то, вы не в том положении, чтобы спрашивать.

Не все ли вам равно, герр Клаус?

– Вы правы, извините, это не мое дело. Что с нами будет – вы не ответили?

– Вы пойдете с нами до конца, а ваши люди помогут нам в деревне.

– Вы хотите прикрыться моими людьми? Это подло!

– Не вам говорить мне о подлости, герр Клаус, вас сюда не звали. Вам лично я гарантирую жизнь, пока это будет в моих силах. Ваши люди, повторюсь, помогут нам. Сколько в деревне осталось этих, из РОНА?

– Около взвода. Я говорил, господин лейтенант, их сильно потрепали в последнее время. Вам нужны они?

– Да, мое подразделение не будет ввязываться в бои с регулярной армией. Силы не равны, да и задачи у нас такой нет, но этих мы уничтожить обязаны! Вам, наверное, трудно это понять.

– Да уж, я так думаю, что у вас было совсем другое задание, а теперь вы уже явно занимаетесь не своим делом.

– Дело у нас одно, господин обер-лейттенант, РОДИНУ защищать, и мы будем это делать до последней капли крови.

– Фанатичность ваших солдат я уже отметил для себя.

– Вы думаете, что ваши соотечественники будут менее фанатичны, когда мы придем в Германию?

– Господин лейтенант, вы, правда, надеетесь победить? – фашист усмехнулся. Ну, сейчас я тебе отвечу.

– А вы еще разве сами не поняли, что вам уже конец? Ско-

ро, совсем скоро, вы попятитесь обратно. Мы будем гнать вас поганой метлой и остановимся только в Берлине. А может... И не остановимся...

Фашист побледнел, но отвечать не стал, а только покачал головой. А я продолжил:

– В любом случае, вы свое отвоевали. Для вас война кончена. Если не будете делать глупостей, то даже вернетесь домой. После нашей победы, конечно.

– Я не был бы столь уверен в победе на вашем месте. Мы разгромили почти всю вашу армию за считанные недели, как вы собираетесь побеждать?

– Разгромили вы ту часть армии, что была не готова к войне в таком масштабе. Внезапность нападения, масса танков, уничтожение нашей авиации, все это дало вам некоторое преимущество. Но, помяните мое слово, уже скоро все будет по-другому.

– Это пропаганда ваших комиссаров. Мне приходилось слышать такое каждый день, – Клаус на глазах менялся, вон как его колбасит. Основную доктрину фюрера под сомнение поставили. Их отбросили уже дальше, чем это было в моем времени на этот момент. А они все равно не видят очевидного.

– Извините герр Клаус, но в начале нашей беседы вы показались мне умным человеком. Причем здесь комиссары, вы что, не можете сами анализировать?

– Все происходящее – лишь временные трудности. Вы

смогли подтянуть свежие части, начали производить новые танки. Только благодаря этому вы сейчас имеете небольшой успех.

– А что же вам помешало в прошлом году, когда у нас не было ни танков, ни авиации, ни свежих войск?

Немец, опустив голову, молчал.

– Спасибо за интересный разговор, господин обер-лейтенант. Скоро выдвигаться, мне нужно вас покинуть.

– Вы обещали сохранить мне жизнь! – забеспокоился фашист.

– И сдержу свое слово, по крайней мере, до тех пор, пока жив. – Немец отвел взгляд, а я пошел к парням. Ребята не скучали – Зимин переговорил с пленными, узнал про рембат чуть больше меня.

– Серег, ну чего, придумал, как нам в деревню войти? А то у нас только на переодевание в предателей мозгов хватило, – начал допытываться Саня.

– А может – пленными? Там таких, – я показал на трупы, – немного осталось. Фрицам даем оружие без патронов, сами идем с пистолетами. Тихие у нас еще ресурс не сожрали, перестреляем всех, не успеют рыпнуться.

– Кто идет? – это Мурат.

– Все. Только Дед и Костян идут позади, несут оружие и ведут офицера. Его мы с собой заберем.

– А как же танки, что недалеко от деревни? – опять спрашивает Зимин.

– Если фрицы не врут, то они небоеспособны. Я больше опасаюсь пехтуры. Лейтенант сказал, что их должны сегодня отправить ближе к фронту, но вот, правда это или нет – не знаю. Проведем разведку, как обычно. Все равно войти в деревню я хотел поздно вечером, когда будет темно. Не думаю, что уроды выйдут встречать немцев с цветами. Наверняка винище глушат. Отстреляем и свалим.

– Тут мне пленные напели, что вчера шавки из РОНА притащили пленных солдат. Их долго били, потом заперли в сарае. Что с ними сейчас – никто не знает.

– Если живы, попробуем забрать с собой. Дай-ка мне карту.

Зимин разложил на земле карту и начал водить по ней пальцем.

– Смотри, вот эта Масловка, – я ткнул патроном от «Винчестера» в точку на карте. – Где-то здесь, – я показал севернее, – рембат. Деревня немаленькая – дворов пятнадцать, немцы не стали ее разрушать, здесь у них хорошее место для сбора техники.

– А почему же охрана доверена русским предателям? – удивленно спросил Ваню.

– А вот хрен их знает. Может, некому больше. В любом случае, повторяю, сначала разведка, тщательная. Я пойду с Муратом. Кстати, Саня...

– Да?

– Ты бы узнал у фрицев, где в деревне лежище командира

РОНА.

– Сказали – в центре деревни, шестой дом слева. Он большой самый, не ошибешься. С командиром всегда два прихлебателя, с автоматами.

– О как! Фрицы, чего, специально запоминали?

– Да нет, просто гонору у этого командира много. Когда к ним фрицы приехали, то захотели выгнать ушлепков из лучших домов, а этот уперся. Да и вообще, уже намозолил глаза.

– Ясно, остальное попытаемся узнать сами. Всем чистить оружие, выдвигаемся через полчаса. МР-40 не использовать, там глушителям уже хана. Слышал во время боя.

– Серег, а чего их так быстро пробило? – спросил Ваню.

– Так от стрельбы очередями. Наган так не стреляет, вот и живет дольше.

– Понятно. Так чего, их вообще снимать?

– Посмотрим, там видно будет.

Вычистив оружие, перекусили. Через лесок прошли быстро. Немцы мешать не пытались. На окраине залегли. До деревни было метров триста совершенно открытой местности – надо думать.

– Давай отсюда и пойдем пленными, – предложил Зимин.

– Ну-ка, спроси фрицев: эти навстречу выйдут, или нет?

Переговорив с одним фельдфебелем, Саня вернулся ко мне:

– Вряд ли, говорит, пьют много. Их свой же командир еле-еле заставил в караул ходить.

– Даже в караулы ходят?

– Один часовой обходит по периметру деревню, меняются не часто. Точное время фриц, конечно, не знает. Через деревню идет дорога, по обеим сторонам посты с пулеметными гнездами. В каждом – два бойца.

– Да, серьезно их тут немцы дрючат. Скорее всего, нас в деревне будут встречать.

– Тоже так думаю. Может, офицера вперед пустим? Его побоятся, сразу шмалять не начнут.

– Сейчас мы с Муратом прогуляемся, а там видно будет.

Мы бродили два часа. Из них почти час пришлось лежать почти под дулом пулемета. Один из стоящих на посту, глазастый, зараза, чуть нас не срисовал. Мы были меньше чем в сотне шагов, пришлось затаиться и приготовить револьвер. Но обошлось – то ли урод нас и не видел, то ли побоялся идти в одиночку. Пусть поживет – пока. Вернулись мы в десять вечера и после быстрого обсуждения плана выдвинулись к деревне.

Вышло все так, как и предполагали. Пулеметчик наставил ствол в нашу сторону, едва заметив, метров за двести. Второй номер рысью понесся куда-то к домам. Когда мы подходили к посту, за ним уже виднелись фигуры с оружием в руках. Как и сообщили пленные фашисты, автоматов почти не было, все были с винтарями. На улице собралось человек десять. Свой подход мы спланировали так, чтобы часовой,

гуляющий вокруг деревни, тоже был здесь. Специально за-секали, сколько по времени он обходит деревню – его нужно убрать сразу, чтобы потом не искать в ночи. Когда враги оказались с двух сторон от нас, мы начали наше шоу. Падая на колено и вскидывая наган, краем глаза отметил, насколько синхронно все повторили. Первые пятеро упали мгновенно. Я, Зимин и Мурат стреляли в ближних солдат, Толя и Ваню убрали пулеметчика и караульного. Мы договорились стрелять так: одна пуля на человека, убил, не убил, после будет видно. Сначала валим всех кто рядом, потом контроль.

Предатели не оправдали наших надежд – вместо того, чтобы ответить нам из всех стволов, они побежали в разные стороны. Дальше начался тир. Еще одним залпом убрали двоих бегущих, причем одним из промахнувшихся был я сам. Один из пленных немцев воспользовался случаем и нанес удар прикладом карабина мне в голову. Как я уклонился – сам не понял. Попал фриц в плечо, поэтому выстрел мой пришелся в небо. Следующим выстрелом я свалил наглого немца с ног. Кровь брызнула во все стороны, пуля в лицо – довольно грязное дело. Так как по нам пока никто не стрелял, мы быстро убрали всех пленных. Чтобы не думалось.

– Серег, как выкуривать будем? – Зимин присел на колено рядом со мной и занялся тем же, чем был увлечен я сам. Забивал патроны в пустые гнезда нагана.

– Они нас не видят. Иначе саданули бы из окон. Чего тут с местными?

– Да хреново! В каждом доме – где бабка какая, где дети. Нельзя.

– Понял, будем действовать осторожно, – Зимин понял, что я хотел закидать все дома гранатами, хотя у нас и нет столько.

– Давай я слева пойду, с Ваню?

– Бери Толяна, втроем идете справа. К командиру сам загляну, казах поможет.

– Есть! – хмуро ответил Саня.

– Не злись, так надо, – спокойно сказал я и положил руку ему на плечо.

От начала стрельбы прошло минут пять. Странно, но было тихо. Нужно торопиться. С северной стороны за подходами к деревне смотрит Костя Иванов. С Клаусом оставили одного Деда. По-другому не выходило. Вдруг пошлют связного за помощью к немцам.

Перебежав дорогу, присел у забора, делая жест рукой Мурату. Тот плюхнулся рядом через секунду. Показываю ему пальцем на ближайший дом за спиной.

– Чего? – шепчет в ответ Мурат.

– Туда давай, я за окнами смотрю. Подойдешь к двери, я следом.

– Серег, нас банально не хватит проверить все дома. Их еще около двух десятков, нас – всего пятеро.

– Хорош скулить. Двигай, давай. Вон парни уже пошли, – я сам понимал всю опасность такой ситуевины. Если начнут

вылезать – нам хана. Задавят числом. Поэтому надо действовать как можно быстрее, пока они с полными штанами.

Казах юркнул в калитку, но, не добежав до двери, остановился. Распахнулась дверь дома и на пороге проступили очертания человека.

– Эй, суки красноперые, выходи, а то сейчас пристрелю бабу с дитем.

Финита ля комедия. Мурат показал себя во всей красе, выпрямляясь, быстро нырнул в сторону, открывая мне сектор. Урод, стоящий за спиной женщины – глаза уже привыкли к темноте – повел стволом винтовки в сторону, открывая себя.

– На землю, дура! – услышал я рев казаха, и темная фигура женщины тотчас упала на колени. Большого было и не нужно. С пяти метров промахиваюсь я очень редко. Хотя и мешала темнота, но куда-то в тело я точно попал. Однако этому уроду удалось нажать на спуск в момент падения. Выстрел из мосинки прогремел как гром. Нет, Мурата он не зацепил – тот уже лежал на земле, но выстрел прозвучал как сигнал. Отовсюду загрохотали винтовки и автоматы. В нас, понятно, никто не попал, стреляли просто «в направлении». Темно, враги нас тоже не видят. С другой стороны улицы донесся приглушенный взрыв гранаты. Зимин, видимо, не рискнул входить в дом. Да уж, как теперь дома зачищать – не знаю. Из такой дохлой ситуации получилось выйти довольно просто. Женщина, уже пришедшая в себя, что-то шепта-

ла Мурату.

– Командир, – казах позвал меня взмахом руки.

– Чего там? – спросил я, подбегая.

– Она говорит, что местных загнали в три последних дома по этой стороне.

– Здесь никого больше нет. Меня сюда привел этот, – женщина показала рукой на свежий труп предателя, – они всех женщин сюда по очереди водят.

Женщина опустила голову и заплакала.

– Так, где все? – решил уточнить я.

– Эти всех согнали в конец деревни. Там все и живем. Остальные дома они прибрали себе. Мы к ним ходим стирать и еду готовить. Когда отказались, они расстреляли всех стариков, мужчин. Пришлось подчиниться, – она опять виновато опустила глаза.

– Не вините себя, вы здесь ни при чем. Мурат, дуй к Зимину, скажи – пусть хреначит по гранате в каждый дом, а будут выскакивать – пусть валит всех.

– Есть, командир! – Мурат умчался, пригибаясь к земле. Эти суки-предатели, видимо, притащили с того конца деревни пулемет. Он начал короткими очередями простреливать улицу.

– Иди в дом, – повернулся я женщине, – спрячься поглубже и не высовывайся. Когда станет можно, мы сами позовем.

– А если вас убьют? – всхлипывала она.

– Тогда придут другие. Но мы постараемся еще пожить.

– Помогите вам Господь, – пролепетала женщина и скрылась в доме.

Вернулся Мурат.

– Серег, Зимин сказал, что очень вовремя. Они сунулись в первый дом, оттуда – в три ствола залп. Ваню опять поцарапали, но все нормально, не переживай. Саня им гранату «подарил» – через окно. Потом добились. У них уже «минус три».

– Значит, четверо. На дороге еще семь «холодных» лежат.

– Хрен их знает, человек пятнадцать осталось. А вдруг больше?

– У нас чего, выбор есть? Давай за мной, пошли через огород.

Обойдя дом, огородом мы подошли к следующей избе. Опять темнота и тишина.

– Серег, я вперед.

– Давай к окну, закинь «подарочек». Я у двери буду.

Послышался звон разбитого стекла. В ответ тут же прогремел выстрел, за ним еще один. Затем взрыв, я дергаю на себя дверь – чисто. Поднимаюсь по ступеням, их три штуки. Еще дверь, благо, открытая. Не поднимаясь в полный рост, заглядываю. Бах! Сука, чуть не попал. Не ожидая, что я высуну голову так низко, предатель инстинктивно стрелял выше. Стреляю в ответ. Скулеж и падение тела. Готов? Сразу контроль, ну их на хрен. Опять взрыв гранаты. Грохот бьет по ушам. Казах чего, охренел, что ли? Вкатываюсь кубарем

в сени, ствол направлен на дверь в комнату – она распахнута. Пригнувшись, иду туда. В проходе меня бьют по руке – заходя в дверной проем, я протянул левую руку вперед и – не зря. Ударивший меня человек, видимо, хотел выбить оружие. По инерции его мотнуло вперед, прямо мне под ствол. Я сначала выстрелил, потом стал махать левой, ноющей от боли рукой. В окно влез казах.

– Одного снял. Из окна сиганул, когда я вторую гранату бросил.

– У меня – двое, гад, он мне руку чуть не оторвал, – махал я рукой и растирал ее от боли.

– У парней тоже идет. Слышал гранату и МРЭшник стрекотал.

– Зашибись. Кончаются помаленьку, – тут нашим надеждам пришел пушной зверек. За окном что-то грохнуло и раздался взрыв.

– Вот черт, у них что – и пушки есть? – услышал я голос казаха.

– Валим отсюда, – я выпорхнул в окно, в которое залез Мурат. Не успел откатиться, сверху, гремя костями, на меня свалился казах. Я взвыл от боли в спине.

– Извини, командир, не разглядел тебя.

– Ты, чудовище... – договорить я не успел. Снова послышался выстрел чего-то большого, и из окон дома, в котором мы только что были, рвануло пламя и полетел всякий мусор. На карачках мы понеслись за дом, уходя с линии огня. Пуле-

мет с дальнего поста чесал без остановки. Перепрыгнув через невысокий забор, столкнулся нос к носу с тремя противниками. То, что это противники, понял только тогда, когда упал от удара в грудь. Лежа на земле, поднял глаза – здоровенный мужик опускал приклад мосинки. Стоящий за его спиной второй боец навел на меня ствол карабина. Выстрел сзади, приглушенный глушителем. Человек, целившийся в меня, падает назад, не успев нажать спуск. Я, уже очухавшись, кувыркком ухожу в сторону и стреляю, почти не глядя. В ответ раздается выстрел мосинской винтовки. Мой бок что-то сильно дергает и обжигает. Вскакиваю на ноги, стараясь не думать о ранении. Вот он – противник уже поднял оружие и дергает затвор. Отмечаю про себя: торопится, падла, значит, опасается. Наган выпал у меня из рук, когда я получил пулю. Взмахиваю ногой справа налево, попадаю в кончик ствола, винтовка противника отклоняется. Блин, как в бочине-то стреляет. Противник принимает мое предложение, бросает винтарь и выхватывает нож. Рэмбо хренов, целая сабля! Тяну с «разгрузки» свой. Нож мне выковали еще осенью в Ленинграде. Делали по моему эскизу. Не, вовсе не самурайский клинок. Двадцать сантиметров лезвие, толщина в районе гарды – шесть миллиметров, рукоять наборная, сделана под ладонь. Длина ножа – почти тридцать сантиметров – вполне достаточно. Заточка – с двух сторон. Гарда небольшая, но прикрывает пальцы в случае скольжения по клинку чужого ножа. И, самое главное, офигенный баланс.

Метать можно как угодно – воткнется наверняка.

Клинки встретились, я довольно ловко парировал, одновременно смещаясь влево. Враг принял этот маневр и решил остановить. Его выпад я уже ждал. Пытаясь достать меня колющим ударом, этот Рэмбо вытянулся в струну. Чуть довернув корпус, легко пропускаю укол мимо и наносю режущий, снизу вверх в район предплечья. Рэмбо, выпустив нож и зарвав во всю глотку, пытается отступить. Куда там – моя рука, возвращаясь после удара, находит его шею. Нож вошел по самую рукоятку. Тело предателя обмякло и завалилось вбок. Хотя ногами вражина еще подергивал.

Только сейчас я заметил, что третий – тот, что стоял в сторонке – лежит на земле, а на его спине сидит казах.

– Ай, красавец! – хлопнув для шутки в ладоши, проговорил Мурат. – Покажешь потом.

– Ага, давай из этой задницы вылезать, а? – я вытер пот с лица и скривился от боли. Да, до этого видно в шоке был, что ли?

– Мурат, эта сука мне шкурку попортила. Болит чего-то.

– Не было печали, – выматерился Мурат. – Эй, гнида, сколько вас здесь еще?

Я удивленно вытаращил глаза, но Мурат обращался к тому, на ком сидел. Живой, видимо.

– Пятеро у пулемета должны быть, – прохрипел тот.

– А что за пушка там шмаляет? – спросил я и присел на корточки. Пришлось стиснуть зубы – боль нарастала.

– Там немцы два часа назад четыре пушки притащили – с передовой, наверное. Одна почти целая, только щит сорван. Вот из нее и бьют.

– Сколько немцев? – Мурат посмотрел в сторону, откуда раздался новый выстрел из орудия.

– Трое было, а наши еще с той стороны есть.

– Кто командир и где он? – я решил, что нужно быстрее «валить» руководителя, может, остальные струхнут.

– Так вон он! – указал мне за спину пленный. Если бы не болел бок, я, наверное, подпрыгнул бы. Повернув голову, я, кроме трупa, никого не увидел.

– Ты его только что зарезал, – продолжал пленный предатель.

– Во как! Ну и ладушки, – удивленно воскликнул я, но тут же скривился. Потрогав бок, увяз в чем-то липком.

– Мурат, я отбежался. Иди к парням, постарайтесь продержаться минут десять.

– А ты чего, умирать собрался?

– Не дождетесь! Этот чудило говорит – пушка без щита. Я вернусь к Деду, возьму свое «весло» и, прямо оттуда, попытаюсь их убрать. Все понял?

– С этим чего делать, – показал на пленного казах.

– Как обычно. На вот, – я вытянул из «разгрузки» и протянул Мурату запасные магазины к МР-40, – тебе нужнее будут.

Пленный попытался завопить, но казах обрушил ему на

голову рукоятью нагана.

– Никого не оставляем, – мрачно заметил я. Мурат направил ствол нагана в голову лежащего пленного. Я отвернулся. Раздался хлопок и последний выдох убитого.

– Командир, осторожней давай, – произнес Мурат и побежал на другую сторону улицы.

До Деда я добрался минут через пятнадцать – пришлось сделать крик. Найдя его под кустами, забрал чехол с «Винчестером» и бросился назад. Боль в боку все нарастала, но была какой-то тупой, что ли. Рука не отнималась, просто жгло и болело в одном месте.

Не дойдя до деревни шагов сто, я выбрал небольшой пригорок, удачно расположенный прямо на дороге. Вынув из чехла свою фузею, быстренько ее осмотрел. Откинув сошки, улегся и посмотрел вверх ствола в направлении деревенской улицы, то и дело освещаемой частыми всполохами выстрелов. Вот бумкнула пушка – я даже увидел сноп огня, вырвавшийся из ствола. Крыша одного дома, по правой стороне улицы, разлетелась в стороны. Осколочно-фугасными лупят, твари.

– Надеюсь, ребята, вас там не было, – пробормотал я вслух.

Прикинув к прицелу, я пытался найти место, где заныкались пушкари. Увидев частые вспышки и решив, что пулеметчик мне и подсветит цель, стал вглядываться. Искать оружие долго не пришлось. Пулеметные очереди отлично его

освещали.

– Вот и я, девочки!

Бух! – проговорила семидесятка.

– Минус один, – ответил я, дергая затвор.

Бух! Бух! – почти без паузы повторила винтовка, толкая в плечо, от чего я опять весь сжался.

– Вот и нет больше расчета у пушки! А где там пулемет? Задержался он уже на этом свете, – загнал новые три патрона и закрыл затвор.

Бух! – Черт, на хрена ты голову спрятал...

Бух! – Вот так вот! – в темноте я не увидел, попал ли в пулеметчика, но его «ствол» затих. И почти в это же мгновение на голову обрушилось небо...

Темнота, тишина. Нет, не совсем тишина, бормочет кто-то. О, блин. Я чего, вырубился, что ли? Хотя нет, вроде по голове ударил кто-то, наверное, подобрались, пока я стрелял.

– Очухался вроде, – до меня донесся знакомый голос, – воды дайте.

В глотку потекла жидкость. Глотал я жадно, но напиться не дали.

– Много нельзя, командир, – узнал я голос Мурата. Открыл глаза – ой, как же голова-то болит. Ай, еще и в боку жжет. А меня же из винтаря зацепило.

– Серег, живой?

– Сказал же – не дождетесь, – пролепетал я, – чего бы-

ло-то?

– Деду спасибо скажи, он из леса увидел, как к тебе двое подкрались. Ну, он их и приложил. Одной очередью. Правда и немца, офицера, тоже в расход списал...

– Да и хрен с ним. Как же Дед попал-то, там ведь метров сто пятьдесят?

– Так я, как увидел, что эти возле тебя стоят, немца топориком тюкнул, чтобы не сбег, и к вам. Эти стоят над тобой, ругаются, ну я и врезал.

– Молодец! Ну, мужики, сколько я вам уже жизнью должен?

– Так это мы с тобой расплачиваемся. Память у нас хорошая.

– Ладно, едем дальше, – меняя тему, сказал я. – Помогите сесть хоть, что ли.

Меня осторожно приложили спиной к дереву.

– Где мы и как все закончилось? – задал я главный вопрос, когда отдышался.

– Ты так вовремя пушкарей заглушил, еще бы чуток – и нам хана, – начал доклад Зимин, – я ведь на крыше лежал, только спрыгнул – и крыши не стало. Заметили и фуганули из пушки. Бревном по спине получил, а так – норма.

– Так что там с этими, с «освободителями»?

– Да нет больше их. Когда ты артиллеристов с пулеметчиком на ноль помножил, мы остатки быстро добили. Только оружие собрали, как прибежал Костя. Сказал, что от рембата

фрицы едут, аж два грузовика. Мы пушчонку-то развернули да пулемет приготовили. Уходить было уже поздно.

– Это чего, я целый бой проспал, что ли? – охренел от услышанного я.

– Да не было никакого боя, ну, почти... – уклончиво ответил Зимин.

– Ну, не тяни.

– Мурат уже вторым выстрелом засадил прямо в кабину первому грузовику. Ваню с пулемета работал, а еще после двух залпов – и второй сожгли. Убегающих догонять, конечно, не стали, руки в ноги и бегом. Тебя подхватили по дороге, ну и все вроде.

– Сейчас-то мы где? – оглядываясь по сторонам, спросил я.

– Ушли мы прилично в сторону от места эвакуации. Да и все равно уже не ждут, наверное. Дальше на северо-запад забрались. Погони вроде не было, шли тихо.

– Вроде? – недоверчиво посмотрев на Зимина, я поморщился.

– Так точно, командир, я осмотрелся – спокойно все. В радиусе трех километров чисто, – влез в разговор казах.

– Ты когда успел обойти-то столько? – удивился я.

– Так у нас почти вся ночь впереди была. Мы здесь уже три часа.

– А времени сколько?

– Так, семь утра уже. Днем, думаем, здесь отсидеться.

Мы – в самой чаще леса, вокруг болотина. Случайно никто не забредет, а если кто и полезет – здесь всего три тропки, все три заминированы, прорвемся.

– Ладно, как сами-то? Все живые?

– Ну, командир, как ты сам всегда говоришь – не дождетесь. Так, почти всех немного пометило. Тебе опять вот повезло.

– Чего у меня с бочиной? Seriously? – с тревогой в голосе спросил я. Черт, ну надо же получить пулю сразу после выписки. Чего-то не везет мне или, наоборот, везет – ведь не убили еще. Ну, видимо, я еще здесь нужен. Надо пользоваться этим с умом.

– Пуля навылет, но Мурат говорит, что ты точно в рубашке родился. На пару сантиметров в сторону и – пипец. А так, только мясо с кожей попортило.

– Мясо нарастет, главное – чтобы идти сам смог, – боли вроде и правда стало меньше. Может, все повязками обойдется. Надоело уже в госпиталях валяться, какой уж раз-то, я со счета сбился. В ногу получал, в руку тоже, в спину, теперь вот и в брюхо поймал. Надо бы осторожней быть, да как тут будешь-то, такие ситуации все время. Ладно уж, хватит жаловаться, с другой стороны, ведь и правда – жив и на том спасибо.

– Как выходить думаешь, – это я непосредственно Зимину. Он в мое отсутствие за командира. Я-то, в каком-то смысле, отсутствую.

– Дождемся темноты и двинем на север. По идее, передовая тут недалеко – временами слышно отдаленный грохот. Днем послушаем, сходим на разведочку, потом и прикинем хрен к носу.

– Ложились бы поспать, я посижу. Выспался уже, вам отдохнуть всем надо. Вон смотри, – я указал на Иванова, парень принес охапку дров для костра, – совсем зеленый от усталости.

– Я тоже посижу, – проговорил негромко Дед, – вы спите, я позже отлежусь. Устал-то только от таскания этой бандуры, да еще и твою громыхалку мне нести пришлось! – Дед указал на чехол с винтовкой.

– Ну вот, я чего, зря тушенку грел, что ли? – подал голос Костя Иванов.

– Тушенка никогда не будет зря, – ответил я, улыбнулся и достал из-за голенища ложку. – Давай ее сюда.

Все хором заржали, а Мурат поучительно вставил:

– Ну, точно: не ранение, а так, погулять вышел. Жрать хочет, значит, фигня. – Все опять засмеялись.

– Командир, – подал голос молчавший всю беседу Толя Круглов, – ну у тебя и «ствол». Ты ни разу не видел, что он с врагом делает?

– А чего там особенного – дырки, наверное, хорошие делает, – весело ответил я.

– Ага, после нее к трупам не подойти – как на бойне. Ты там пушкарю в голову залепил, так чуть не до груди – одни

ошметки, бр-р-р.

– Я не специально. Так получилось. Я и не видел почти куда стреляю.

– Да, уж получилось. Пулеметчику в плечо зарядил – тот помер от потери крови. А как еще, если руку с корнем вырвало, там как из фонтана хлестало. Грязная у тебя винтовка, – подвел итог Круглов.

– Так она же охотничья, на крупного зверя. Амеры и англичане с таким калибром носорогов в Африке валят.

– Я почему-то этому не удивляюсь, – покивал Толя.

Позавтракали остатками «тушняка», хотя это я так думал, в смысле – что остатками. Парни ухитрились у предателей в деревне еще и хавчика стырить. На пару дней, наверное, хватит. Но нам нельзя столько гулять, выходить пора. Судоплатов ведь говорил – дел много, это было явно не последним. Но если облажаемся, то точно последним будет. Жаль, если так, команда у нас уж больно срослась друг с другом.

– Серег, на связь когда будем выходить? – поинтересовался Зимин.

– Думаю, надо еще отойти. Хрен их, «нациков», знает – засекут передатчик да расхреначат с воздуха. Или облаву какую устроят. Я, вообще-то, еще жить хочу, и дел невпроворот.

– Так всем хочется, и как бы еще и побольше твоего, – заметил Саня.

– Кстати, при зачистке гранаты новые кто-нибудь попробовал?

– Шумовые? – поднял глаза Мурат.

– Ага, – я утвердительно кивнул.

– Ваню одну зашвырнул в том дом, где я потом на чердаке сидел. Там двое спрятались – шмаляют и шмаляют, Ваню и вспомнил про эти шумелки.

– И как?

– Да сами чуть не обосрались. Нет, нас предупреждали, что они бахают. Но что так. А чем они сверкают-то?

– Магния, наверное, запихнули много, а чего – и вас задело, что ли? Говорили же – не смотреть.

Новые гранаты Судоплатов привез перед самым выездом. Хотел, чтобы опробовали, если получится. Вот и подвернулся случай.

– Да, Ваню забросил, я-то отвернулся, а он, оказалось, так и смотрел. Когда шибануло, сам заорал – штаны, наверное, намочил.

– Сам ты намочил. Полыхнуло сильно – думал, ослепну. Вот изверги эти наши изобретатели, им бы так.

– Слышь, Ваню, они, вообще-то, сами все пробуют всегда, так что их не удивишь.

– Предупреждать надо, что такая сила, и кто из них придумал-то такую хрень?

Я хитро улыбнулся, пожал плечами и промолчал. Ну, его к лешему, а то еще и мне достанется – не объяснишь ведь те-

перь, что хотел как лучше. Вообще, люди сейчас ко всем новинкам с тревогой относятся, опасаются. Для многих людей в этой войне и автоматы в диковинку были. Не любят люди менять свои устои, а в особенности деревенские жители.

День мы по очереди спали. Меня к наблюдению решили не привлекать. Все время лежал на левом боку, ибо даже на спине было довольно болезненно.

Фронт оказался рядом. То и дело слышалась канонада орудий, над головами пролетали самолеты, как правило – только немецкие.

– Как думаешь выходить, – подсел ко мне Саня Зимин.

– Стемнеет и двинем. Сначала на север, пройдем, сколько дадут, потом видно будет, – я достал карту.

– Линию-то переходить с ранеными хреново, – продолжил Александр.

Я совсем забыл – парни освободили в Масловке пятерых бойцов, почти все «тяжелые». Как удалось узнать, часть уже расстреляли, остальных оставили на завтра. И этих-то мы случайно освободили. Раненые были в сарае, поэтому враги до них не успели добраться. Красноармейцы были чуть живые: грязные, голодные, избитые так, что у некоторых лица не было, одни синяки. Форма вся пропитана кровью. Один из них оказался целый полковник. Он был ранен еще до попадания к РОНА, поэтому не расстреляли сразу. Допраши-

вать тоже не стали, слишком тяжелое ранение. Все время без сознания, постоянно бредит. С ним безотлучно сидит его ординарец. Полковник оказался командиром пехотного полка, разбитого в контратаке. Дивизию, что бросили затыкать дыру в обороне, разбили «под орех». К Старой Масловке вышли жалкие остатки – около двух взводов. Многих перебили предатели. На наши удивленные возгласы: как вас сразу-то не пристрелили? – пленные отвечали:

– Предлагали к ним перейти.

Да, пока даже не представляю, как у нас получится выйти. Оружие есть, боеприпасы тоже, а вот силы и здоровье кончились в последнем бою. Зимин постоянно что-то предлагает, а у меня мысли «в раскоряку», не могу собраться.

– Серег, надо транспорт искать – пехом далеко не уйдем, – уловил я нить разговора, отвлекшись наконец от своих мыслей.

– А? – переспросил я.

– Чего, оглох, что ли? Говорю, надо машину искать. Как всех утащим-то?

– Надо, Саня, надо. Как думаешь, может, Михалыч опять приказ нарушил и ждет нас?

– Мы задержались уже на сутки, – покачал головой Зимин. – Вряд ли, да и как он один в прифронтовой полосе будет сидеть?

– Ладно, Мурата с Толянном в разведку засылай, как обычно. Пусть выходят прямо сейчас, отоспались как раз.

– Пойду, разбужу, – Саня ушел, а я разложил «Винчестер» перед собой – надо хоть почистить. Отстрелял-то немного, но все равно. Лежа чистить оружие – это что-то.

Разобрав винтовку, наблюдал, как собрались и исчезли в кустах наши разведчики. Сейчас все зависит от них. Сумеют найти тропу – зашибись, нет – полезем «на авось». Так-то не впервой, но вот с ранеными будет сложнее.

Стемнело в районе двенадцати. Уже около часа вокруг стояла тишина. Угомонились все, противники подсчитывают потери, рисуют планы на завтра. Интересно, чего там с танками, которые попали к врагу. Хоть генерала мы и уконтропунили, но танки-то остались у них. Когда мы выходили на задание, я спросил у Павла Анатольевича на счет них. Он тогда заметил, что это уже не наше дело. Видимо, и на этот счет у Судоплатова какой-то план есть. Ну и ладненько, он начальник, ему виднее.

Мурат с Кругловым вернулись почти в два часа ночи. Ночи короткие стоят, двигаться нужно в темпе.

– Серег, вообще-то все плохо, – начал свой доклад Мурат, хлебая из кружки горячий чай. Эрзац конечно, из листьев черники, земляники и других, росших под ногами ягодных кустиков.

– Что, прям совсем никак? – подняв бровь, в надежде на лучшее спросил я.

– Ну, почти. Есть один овраг, но придется поработать.

– Излагай! – кивнул я.

– Два БТРа, стоят по обеим сторонам, наверху. Если идти прямо так, расстреляют как в тире, – казах махнул рукой.

– А теперь «повидлю», – подтолкнул я Мурата, понимая, что это еще не все.

– Вокруг них, в радиусе двух километров, никого. Точнее, почти никого.

– Уточни, чего мнешься, – задержался я от нетерпения.

– Там поля вокруг, будем как на ладони. Где-то в километре, стоят палатки фрицевские. Техники никакой. Даже грузовиков нет. Поэтому и говорю, что почти никого.

– Палаток много?

– Десяток, и не наши шатры, маленькие совсем. Человека на четыре каждая.

– Значит, два взвода пехтуры, так?

– Выходит так, а эти на БТРах овраг пасут, потому что он в низине и большой. Техника пройти сможет. Короче, если решим, как подойти к оврагу, дальше проще. От оврага до позиций наших красноармейцев километра четыре и вроде там тихо. Извини, дотуда не дошли. Мимо говнюков на брониках никак не пройти. А обходить далеко.

– Короче, выход один. Все ползут туда и как можно ближе, и – ждут. Толян ведет. Ты со мной остаешься, работаем двумя веслами. Так? – я показал казаху на свою фузею.

– Сам так и подумал. У тебя патроны-то еще есть?

– Три десятка. Хватит, много и не взять было, да и незачем, шли-то для одного выстрела. Меня еще Истомин хомячком обозвал, когда я карманы набивал «своими». Остались только те, что со Штатов привезли. Там по тысяче тех и тех дали, очень уж дорогие. Но я просил, чтобы и дальше возили. Да стволы запасные вроде не послали. Только мои переделывать надо, а это время.

– Вот и пригодятся твои патроны. Ну, надо двигать, а то рассветет через пару часов.

– Поднимай людей, – я посмотрел на молчавшего весь разговор Зимина.

– Опять стрельба, – покачал головой он, – ну не можем мы, как нормальные люди, тихонечко прийти, нагадить и уйти.

– Через тернии к звездам. А вообще, как ты собирался к немцам в глубокий тыл залезть без шума, точнее выбраться. Залезли-то как раз тихо. Ведь все сделали.

– Да, прав ты. Как всегда, – вздохнув как-то тяжело, ответил Саня.

– Сань, если придумал чего, излагай. Знаешь же, всегда выслушаю. Если нет, давай работать.

– А если эти черти палаточные к нам устрелятся? Будем вшестером отстреливаться от двух полноценных взводов?

– А вот это уже будет твоя и Ваню работа. Мурат, БТРы с МГ?

– Один с чем-то большим. Издалека не разглядел, но, по-

хоже, зенитка «двадцатка» вроде.

– Отлично, то, что дохтур прописал. Выходим через пять минут. Тушите костер, оправляйтесь и по коням.

– Есть! – уже довольно бодро ответили Мурат и Зимин. Хотя, конечно, храбрились, не железные ведь, устали все как собаки.

Позицию казах присмотрел что надо. Местность с небольшим понижением к оврагу, БТРы как на ладони. Правда, сетку фрицы натянули, но это им не поможет.

Задумка была сложной, но в принципе выполнимой. Нужно расстрелять всех, кто находится в бронетранспортере и рядом, но не повредить технику. Задача, однако.

Мурат помог мне немного окопаться, мало ли. Я улегся, разместил рядом кусок брезента, на него высыпал патроны. Сам казах разместился в трех метрах от меня. Не спеша, выставил прицел, зарядил. Расстояние приличное, метров семьсот, ну, да ладно.

Вокруг БТРов было тихо. Горели костры, бродили часовые. После получаса наблюдений насчитали четверых бодрствующих. По двое у каждой машины. А расположились они грамотно, хотя в чистом поле разве спрячешься? Но они тут себя хозяевами чувствуют, почти и не маскируются. Не стреляные, что ли?

– Мурат, я начинаю, – прошептал я.

– Давай, я на подхвате, когда метаться начнут.

– Да они в такой тишине обосрут сейчас. И как они удач-

но ракетки свои пускают, светло как днем.

– Ага, а сами вокруг не видят, наверное, ни хрена.

– Ну, приступим помолясь, – выдохнул я.

– Чего? – испуганно, с таким неподдельным удивлением спросил казах.

– Не бери в голову, гляди давай.

Начали мы отлично. Два моих выстрела, казалось, прогремели громом в ночи. На спящих немчиков обрушилась кара с небес. Выскакивая из броников, где спокойно спали, немцы не оборону занимали, а в панике метались из стороны в сторону.

«Блин, лучше бы уж залегли. Мечутся так, что хрен попадешь. Два раза подряд промазал и, кажется, слышал как ругается казах, тоже мажет, наверное», – пронеслось в голове.

Вот наконец кто-то сообразил, ствол зенитного автомата пополз вниз и в нашу сторону.

– Серега, видишь их? – проговорил Мурат.

– Конечно, – ответил я, на самом деле видя противника не так чтобы очень хорошо. Ракеты пускать перестали, сообразили, видимо, что сами подсветку дают. Да, недооценивать гитлеровцев нельзя. Умные, собаки.

Тот воин, что стоял у зенитки, уже успел выпустить три или четыре снаряда. Мурат, смещаясь вправо от меня, стрелял в воздух, отвлекая стрелка. В темноте вспышки от его винтовки, служили хорошим ориентиром. Я тем временем

поймал в прицел щиток орудия. На БТРе он был небольшим, и моя пуля, насквозь пройдя через него, выбросила стрелка наружу. Скорее всего, с дырой в животе.

– Серег, МГ на втором, – это вернулся на свою позицию казах.

– Понял, работаю, – коротко бросил я и, поймав в прицел тушку за пулеметом, повторил выстрел.

Зашибись стрелять из такого ствола летней ночью. Уже светлеет, видимость вполне устраивает. Ветра нет совсем, выстрел с шестисот – семисот метров, как в тире. Убрав третьего возле зенитки, перевел взгляд на второй БТР, заметил, как Мурат снял очередного пулеметчика.

– Ребята подобрались, – перекрикивая грохот моей винтовки, доложил казах.

Да, все то время, что мы расстреливали полуспящих гансов, остальные подобрались на дистанцию выстрела из автоматов. Нам оставалось только контролировать, чтобы какой-нибудь ухарь не спрятался где-нибудь.

– Серег, тот, что с зениткой, свалит сейчас, – завопил казах.

– Куда это ты собрался, – пробубнил я вслух.

Бух, затвор. Бух, черт, как жаль, что всего три патрона в магазине.

– Заряжаю, – крикнул я.

– Отъездился, – услышал я голос казах.

Перезарядив весло, взглянул в оптику. Водительская

дверь броника была распахнута, а на земле лежал труп.

«Гадство, там, наверное, помойка теперь», – подумал я.

– Командир, можно сниматься. Зимин уже зенитку развернул. Да и Ваню тоже рядом со вторым БТРом.

– Ладно, иди к ним, я отсюда погляжу. Пусть Саня зенитку наладит, если эти из палаток полезут, накрывайте их. Только сами к ним не лезьте, БТР бронирован легко, из карабина борт прошибут и – амба.

– Понял, ты здесь долго не оставайся, вдруг подкрадется кто.

– Иди уже, надо сваливать отсюда побыстрее.

Мурат умчался бегом. Полкилометра пробежит быстро, захват броников нам должен помочь пролезть через передовую. Немцы, конечно, спохватятся, но под броней все-таки спокойней будет. Хотя, как я и сказал, броня там легкая, но зато не пешком.

Два взвода немецких солдат поступили глупо. Вместо того чтобы рвануть за помощью, они заняли оборону и решили отстреливаться. Сначала Зимин накрыл их зенитным огнем, а затем подъехали на втором БТРе ближе и из пулемета покروшили всех, кто еще оставался. Вот ведь засранцы, ведь передал с казахом приказ не лезть, все равно поехали.

Я присоединился к остальным, когда все стихло. Мне помахали руками, в прицел я хорошо все видел. Медленно, боясь делать резкие движения, я кое-как добрался до них. По-

что сразу рухнул без сил. Посидев с минуту на траве возле БТРа, почувствовал, как кружится голова. Внезапно стало как-то легко, и моя голова встретилась с землей.

Очнулся я от дикой тряски и шума лязгающих гусениц.

– Э, изверги, где вы тут? – в глазах темно, в ушах шумит.

Состояние мерзкое.

– О, командир, ну наконец-то! – донесся до меня чей-то окрик, даже голос различить я не мог. Слишком сильной была головная боль.

– А-а-а! – запричитал я, когда «Ганомаг» подбросило особенно сильно. – Вы чего, меня совсем угробить решили? Так пристрелили бы, чего же издеваться-то.

– Извини, командир, двадцать минут назад проскочили немецкий заслон. Зимин им крикнул, что идем на перехват русскому десанту, выброшенному только что где-то на нейтралке.

– И они поверили, – ехидно скорчив рожу, съязвил я.

– В начале да, поверили. Мы дальше рванули, а они за нами, – услышал я голос самого Зимина. Тот у нас уже не в первый раз работает под немца, уж больно у него акцент натуральный.

– И чего, еще и с ними сцепились? – покачал головой я, думая о плохом.

– Нет, еще не стреляли, вон посмотри, они так за нами и пылят.

– Да ладно, – вскинулся я и повернул голову назад. При-

шлось приподняться над бортом, ни хрена себе. Немцы на трех мотоциклах ехали сзади и махали руками.

– А чего они не стреляют? – удивился я.

– А хрен их знает, может бояться, у нас ведь зенитка. Да и на втором БТРе пулемет. Тут еще гранат до хрена всяких, патронов вообще, хоть ешь их, хоть соли.

– Мурат, а чего вокруг-то? Может, вальнуть их, да и все дела?

– На фига? У нас такой эскорт добрый, осталось проехать совсем чуток. Ближе к нейтралке завалим, нам бы только до леса дотянуть. Километра два еще, а там почти дома.

Сзади раздавалось тархтение мотоциклетных моторов. Я еще раз бросил короткий взгляд назад, хотелось убедиться, что кроме этих байкеров, там больше никого нет.

Примерно через пять минут раздался голос казаха.

– Остановились, видать уже близко наши, боятся лезть на рожон, – тотчас по БТРу скользнули, рикошета, пули.

– Вот суки! – ругнулся Мурат. – Не дали тихо уехать.

– Мурат, а ведь стреляют-то спереди, – прислушиваясь, уточнил я и инстинктивно наклонил голову. Казах высунул голову над кабиной БТРа и тут же нырнул обратно.

– Да, вот и вернись с задания, свои же завалят, – выругался он.

– Чего, правда, наши? – не веря, что почти доехали, спросил я.

– А то кто же? Немцы бы попали, – смеясь, подал голос

Зимин.

– Сань, немцы близко, давай сворачивай куда-нибудь, надо еще отъехать.

– Сейчас, Ваню тоже сообразил. Уже нашел дорожку, в лес заедем и встанем.

А стрельба становилась все серьезнее. В бортах появлялись новые дырки. Все лежали на полу, боясь поднять голову, один Зимин занят был управлением этого гроба. И как ему не страшно?

– Приехали! – вскоре выкрикнул он и дал по тормозам, от чего мы все кубарем полетели головой вперед.

– Зимин, ты охренел, что ли? – кряхтя и потирая ушибленную руку, полез в кабину казах. Но вдруг замолчал. Я тоже привстал на руках и поглядел вперед, между головами моих ухарей. Прямо перед нами стоял наш, советский, танк. Т-28, я даже разглядеть успел, до того, как люк сзади распахнулся и меня за ноги грубо вытащили наружу. Хлопнувшись лицом на дорогу, ноги-то мои кто-то держал, выругался и, стиснув зубы, попытался поднять голову. Получилось, вот только не видел я ни хрена, пыль застила глаза, я бешено стал их тереть. Удар по спине, чем-то тяжелым. Крики моих друзей, больше я ничего не слышал и не видел.

Ох и тяжкое это дело, просыпаться после потери сознания. В какой уж раз, а все не привыкну, хотя можно ли к такому привыкнуть?

Я лежал лицом вверх, надо мной нависал низкий темный

потолок. В палатке, что ли? Точно, палатка. Голова раскалывалась от дикой боли в висках. Спину саднило, в боку пожар. Чего-то совсем не комильфо! Я живой или уже нет? Так, чего-то такое уже было, опять вроде дырку получил, – память неохотно возвращалась.

– Очнулись, ну вот и хорошо! Светлана? – рядом со мной кто-то был, но в поле моего зрения человек не попадал.

– Да, Андрей Ильич? – услышал я второй голос, женский, а приятный-то какой! Слушал бы и слушал. Молодой, чистый и нежный.

– Светочка, принеси, пожалуйста, чистые бинты.

– Сейчас, – коротко ответил красивый голос. Обладательница ангельского голоска прошмыгнула рядом с дохтуром.

– Как вы себя чувствуете, товарищ лейтенант? – склонился надо мной военврач.

– Да чего-то хреново как-то, – скорчил я рожу.

– Вообще-то это естественно, ранение, плюс приличное истощение организма.

– Да вроде не голодал, откуда истощение?

– Как я слышал, вы серьезно повоевали? Ребята ваши немного рассказали.

– А где они сами и где вообще я? – по-еврейски ответил я.

– Вы пересекли линию фронта, сейчас вы в полевом госпитале, вас должны скоро вывезти. Ваш лейтенант, Зимин, кажется, связывался с кем-то в Ленинграде, оттуда уже выслали машину и сопровождение. А ребята ваши все тут, в со-

седних палатках, отдыхают. Кого-то и подлатать пришлось, кто-то просто очень устал и спит уже сутки.

– Во как! А то я помню только, как нас кто-то отмутил знатно, а больше ничего.

– Бойцы на передовой погорячились, им уже влетело от командира. Вы на немецкой технике приехали, ну они вас и не стали спрашивать.

– Ясно, как всегда, от своих получаем больше, чем от врага. Они бы с фрицами так воевали. – Мне, если честно, уже надоело постоянно получать от своих. Оклемаюсь – морды набью всем, кто участвовал.

– Ну, молодой человек, не преувеличивайте. Бывает и хуже, уж поверьте старому человеку.

Верилось легко. Истомин рассказывал, что бывало разведчиков, вышедших к своим, вообще расстреливали. Всяко бывает, народ нервный, вокруг вон чего творится.

– Что беспокоит больше всего, молодой человек? – продолжал свой мягкий допрос военврач.

– Бок болит, хотя нет, голова сильнее. Кажется, лопнет сейчас. – Правда, каждое слово и даже просто движение губами причиняло дикую боль, отзывавшуюся в голове ударами кувалды.

– Если голова болит, молодой человек, значит, она есть, – скаламбурил доктор. – Извините, шучу. Нам без юмора тяжело, такого нагладишься, с ума можно сойти.

– Да ладно, доктор, ничего, – вот Петросян, еще бы анек-

дот рассказал, про усатого. И я бы посмеялся.

– Сейчас Светочка обработает раны, перевяжет. Затем надо сделать укол, поспите, голова должна пройти. Это скорее от сильной усталости, ну и давление подскочило от ран. Вы ведь еще пешком протопали, наверное, прилично?

– Было дело, да еще кругами и по болотам, – заплакался я.

– Лежите, отдыхайте, нужно хорошо выспаться.

– Товарищ военврач... – я замялся.

– Военврач третьего ранга Колесов, – представился доктор.

– Товарищ военврач третьего ранга, разрешите вопрос? – я намеренно обратился, как положено.

– Обращайтесь, товарищ лейтенант. – Дядька удивленно смотрел на меня.

– Из моих ребят есть кто-нибудь на ногах?

– Я сейчас посмотрю, позвать?

– Да, если можно.

– Только недолго, вам всем нужно отдыхать!

– Слушаюсь, – улыбнулся я.

Военврач вышел, полог палатки опустился. Но тут же вновь слегка приподнялся, и в образовавшуюся щель проскочила маленькая фигурка.

– Товарищ лейтенант, попробуйте повернуться немного на левый бок, – услышал я знакомый, певучий голосок.

– Для вас, я и мертвый перевернусь, – вывез я и замер.

Надо мной склонилось лицо, личико. В тусклом свете коп-

тилки удалось разглядеть глаза. Ах, что это были за глаза... Ясно сверкнули, как звезды. Четкие узкие брови казались черными стрелами и придавали глазам выразительности. Ямочки на щечках, губки... Во я попал! Ведь сколько здесь уже нахожусь, про женщин даже не думал. И не до того было, да и жена не забывалась. Я ее с дочкой действительно сильно любил. А тут, как кувалдой, которая в голове стучит, по макушке треснули. У меня и с женой так было. Увидел один раз и говорю другу: «Это мое». Друг посмеялся в ответ, сказал, что я дурак. А вот вышло-то все именно так, как я и сказал. Познакомились, долго встречались, стали жить вместе. Дочь появилась уже спустя несколько лет, зато была очень даже ожидаемой и любимой. Постоянно наблюдал в своем времени, как друзья находили себе подруг, женились, кто по залету, кто и по любви. Но очень немногие заводили детей по желанию. У доброй половины были неожиданными, поэтому люди пугались ответственности и расходились, как правило. В основном, конечно, уходили мужики, боялись стать привязанными к дому, к детям. А ведь лучше-то и нет ничего, чем быть рядом с частичкой тебя самого. Видеть, как она растет, играть, а...

Кажется, у меня от воспоминаний даже слезу вышибло.

– Товарищ лейтенант, вам плохо? – испуганно проворковала девушка санинструктор.

– Все хорошо уже, – я вытер лицо рукой.

– У вас такое лицо было, сначала доброе, а потом как-то

замерло резко, – девушка казалась напуганной.

– Просто задумался немного. Извините, если напугал, я не хотел. Правда, – я попытался улыбнуться, но выходило с трудом.

– Надо рану обработать, Андрей Ильич приказал как следует осмотреть. Освещения никакого, видит он уже неважно, вот и просил поглядеть, нет ли воспаления.

– Смотрите, чего уж там, – кивнул со вздохом я и повернулся спиной к Светланке.

Да, присохшие бинты – это что-то. Фурацелинчику, да хотя бы соляной раствор, что ли, придумали. Как же больно-то. Заорать не получилось, во рту было одеяло. Зубы, думал, сломаю, так сжал, что аж в глазах потемнело. Потом вспомнил наказ тренера: болит рука, ударься ногой. Выплюнул одеяло и закусил губу. По подбородку потекла теплая струйка, во рту появился вкус крови. Ну что у меня все с перебором-то выходит? Чуть губу не откусил, аж забыл, что мне бинты отрывают.

Внезапно раздавшийся знакомый голос заставил вынырнуть из мыслей о вечном.

– Командир, звал?

– Саня, ты? – хрипло выдохнул я.

– Ага, ты как? – голос Зимина был чуток настороженным.

– Да как видишь, гансам не пожелаешь. Как ребята? Как ты сам?

– Да ничего, раны нам почистили, замотали, кому надо

было. Все отдыхают. Я связался с Ленинградом, нам повезло.

– Чего такое? – встрепенулся я.

– Наш генерал там, – загадочно произнес Саня.

– Да ладно! И чего?

– Сначала матерился, когда я про тебя рассказал, потом успокоился и велел ждать машину.

– Вот увидишь, сам прибежит. Любит он на меня поорать, особенно в медсанбате.

– Ну, не равнодушен он к тебе, что поделаешь?

– Это точно. А-а-а! – заорал я.

– Ты чего, охренел, что ли, командир? Я же чуть головой потолок не проткнул, – Зимин подпрыгнул от моего внезапного вскрика.

– Зимин, вали на хрен отсюда. Придет машина, доложишь, – прошипел я от дикой боли, резанувшей по телу тупой бритвой. Чего там сделало мое «солнышко», не знаю, но боль была страшная.

– Товарищ санинструктор, я вас напугал? – Девушка стояла в сторонке, боясь приблизиться ко мне. Вот дурень, напугал деваху. – Извините, не сдержался.

– Это вы меня простите, безрукую, – всхлипнула девица.

– Да вы что, Светлана, вы же мне эту дырку не делали, не надо себя винить. Уж кому-кому, но не вам себя виноватой считать.

– Я продолжу? – чуть уверенней спросила Света.

– Давайте, – я снова закусил прокушенную губу.

Дальше было легче, видно, боль была оттого, что Света оторвала последний слой бинта. Теперь она чем-то смазывала рану. Еще чуток потерпел, когда чистила, но так, уже без потери сознания. Раньше меня всегда вырубало от этого.

– Почти все, смажу сейчас царапины и сделаю укол.

Я лежал и тупо ждал, когда она закончит, хотелось быстрее лечь на спину и еще раз увидеть ее лицо. Вот наконец она разрешила мне это сделать, предварительно вынув шприц из моей многострадальной задницы.

– Давно вы на фронте, Светлана?

– Третий месяц уже, – тяжело вздохнув, ответила та.

– Не страшно? Войница-то какая идет. Мертвые, крови-то – море целое.

– Страшно было дома, здесь легче.

– Да? – удивился я. – А где дом-то у вас?

– Ленинградская я. Такое у нас зимой было, словами не передать...

– Бывал я у вас, осенью, уже тогда тяжело было. Как зиму пережили, даже не представляю.

– Вы служили в Ленинграде? – как-то радостно спросила Светлана.

– Лечился, в госпитале лежал. Точнее сбежал оттуда, как только смог. Потом немного пожил, пока рана зажила, и опять на фронт.

– А я в институт поступила, после школы. Год проучилась, война началась.

– Кем хотите стать? Если не секрет.

– Учителем, хочу детей маленьких учить. Работала в школе, а зимой школу закрыли, холодно очень было, и есть нечего. Много детей умерло, некому стало в школу ходить.

– А на фронт как попали, студентов вроде не берут?

– Я за водой ходила, вернулась, а в дом бомба попала. Вся семья погибла в один миг, – у девушки выступили слезы, – я и попросилась добровольцем.

– Простите, не хотел причинить вам боль, – спохватился я. А сколько таких по всей стране?

– Да я привыкла уже, ничего. Здесь и вспоминать некогда.

– Светлана, давайте на ты, если не возражаете?

– Давайте, не возражаю, – улыбнувшись, ответила мне сероглазка.

– Меня Сергеем звать.

– Очень приятно, а вы, товарищ лейтенант, из разведки?

– Света, – я с упреком взглянул на нее.

– Извини, Сергей, ты разведчик? – стесняясь, повторила она.

– Считай, что так. Извини, большего не могу сказать.

– Я понимаю, военная тайна, – важно кивнула девушка.

– Ага, боец невидимого фронта я. Но ты никому не говори, – шутливо прошептал я.

Света засмеялась, вскинула руку в пионерском приветствии.

– Честное пионерское, – она была очень серьезна.

– Да брось ты. Расскажи лучше, потери большие в вашем полку?

– Хватает, но меньше стало. Лекарства появляться стали, бинты есть всегда. Раньше, говорят, стирали по несколько раз. Даже простых тряпок не было. Тяжелых – сразу в Ленинград везут. А вообще нормально, жить можно.

– Жить без войны нужно, – грустно сказал я и добавил: – Вот дадим Гитлеру по ушам, тогда и заживем.

– Долго еще, наверное, воевать, вон у них солдат сколько.

– Ничего, потихоньку всех в землю загоним. Они и так уже трясутся от страха.

Снаружи послышались голоса, Света выскочила из палатки. А в нее шагнул какой-то майор. Ан нет! Нашивку на рукаве не разглядел. Батальонный комиссар. Странно, чего это он в старых нашивках, кстати? Как павлин размалеванный. Вроде приказом усатого все эти украшения упразднили, а тут ходит такой гусь, мечта снайпера.

– Товарищ лейтенант, я проверил документы у ваших бойцов, какие-то они у вас странные.

– Товарищ батальонный комиссар, я думал, уже разобрались с этим. За нами должны скоро приехать. Старший майор государственной безопасности Истомин представит вам все нужные документы. Вам же наверняка известно, что разведчики уходят на задание или с липовыми, или вообще без документов.

– У вас все-таки имеются хоть какие-нибудь документы?

– Только те, что у меня нашли. Естественно, что они ненастоящие. – У меня на лице вовсю разыгрывалось недовольство. Чего за хрень? Вроде Зимин все уладил, откуда вылез этот хмырь?

– К какому полку вы приписаны? Ваши люди мне соврали, каждый назвал разные.

– Конечно, а как они скажут одинаковые, ведь мы не стоваривались. Вот если бы немцы к вам под видом наших разведчиков пришли, то да. У этих всегда все документы сделаны как надо, не придерешься.

– Так кто же вы такие? – комиссар явно лез не в свое дело, проявляя излишнюю инициативу, но придется отвечать.

– Я лейтенант государственной безопасности Новиков. Моя группа не приписана ни к одной дивизии или армии. Мы подчиняемся непосредственно комиссару второго ранга Судоплатову. Старший майор госбезопасности Истомин – наш непосредственный куратор. Находились в тылу врага, по особому заданию Ставки, – все это я вывалил на комиссара залпом. По ходу моей речи он бледнел, краснел, часто моргал. Под конец у него даже глаз задергался. Комиссар молчал, я ничего добавлять не торопился. Вдруг, как-то странно махнув рукой, комиссар рванул на выход, даже не попрощавшись.

– Товарищ комиссар, надеюсь, моих людей сейчас же отпустят... – Знаю я этих уставников и служаек, наверняка всех, даже раненых, уже заарестовал. Откинув полог палатки, ко-

миссар остановился и, обернувшись, кивнул, не глядя на меня. Видимо, я угадал.

Минут через десять примчался Зимин. На щеке была свежая ссадина, а под глазом наливался синяк.

– О как, Саня, да вас вообще нельзя одних оставить, – засмеялся я.

– Да отстань, – в сердцах сжал кулаки Зимин, – тут особисты охреневшие какие-то.

– Знаю все уже. Только от меня вылетел.

– Ты чего, в репу ему завинтил? – осатанев, прошипел Саня.

– Чего я, самоубийца, что ли? Давил он, ну пришлось рассказать, кто мы и откуда. Убежал, даже не попрощавшись.

– Истомин теперь тебя сожрет! Легенды придумывали ведь специально.

– Так что тогда в ваших легендах вы не договорились о номере части или полка?

– Да как-то упустили, – пристыженно опустил голову Зимин.

– Конспираторы хреновы. Попался чуть более въедливый особист, и все. Хвосты вам прижал, а вы и поплыли. Ладно, я сам виноват, но обошлось вроде. Скольких положили-то хоть?

– Семерых. Но их там взвод был, чуть стрелять не начали, пришлось сдаться. Ведь не немцы же, всерьез-то мы не били. Так, покидали тихонько, без усердия.

– Вас сильно покалечили?

– У Вано кровотечение открылось, Деду руку сломали.

Толянну похоже пару ребер.

– Ни хрена себе, теперь этому комиссару точно от Истомина достанется. Причем я подскажу ему специально, садист какой-то попался. Ущерба больше, чем от фрицев. Я теперь его во вредительстве обвиню. Группа выведена из строя по причине излишней бдительности и тупости какого-то хмыря. И кто таким званием-то навешивает? Ведь сказали же ему, что начальство скоро будет и все объяснит... Стоп! Саня, а он местный, или как?

– Да ни хрена, приперлись откуда-то на полуторке. Я, перед тем как к тебе зайти, у врача твоего спросил, он их раньше не видел, – растерянно произнес Зимин.

– У тебя ствол с собой? – Я уже лихорадочно обдумывал случившееся.

– Думаешь? – вскочил Зимин.

– Почти уверен. Блин, как я сразу-то не догадался? Мне ствол найдешь? – я протянул руку.

– Держи трофейный, себе захвачу сейчас в палатке. В десяти метрах стоит, – Александр протянул мне «вальтер».

Выщелкнув обойму, я проверил патроны и взвел курок.

– Тихо предупреди ребят, если эти рядом, не подавай вида, все понял.

– Так точно! – серьезно ответил Зимин, щелкнув каблучками.

– Дуй, давай, пусть все будут готовы. Этого хмыря надо взять, заставить остальных бросить стволы. Если начнут стрелять, бейте по конечностям. Но только первым не начинай, Саня, не завали дело.

– Все понял, командир, – Зимин бегом выскочил из палатки.

Так, чего же этим шустрикам надо? Или это из догоняющей команды внедрились, или для захвата кого-то постарше. А что если они должны были взять нас, но, услышав от меня про Истомина, решили взять его? Поэтому и моих отпустили, типа ошибочка вышла.

– Эй, есть кто-нибудь у палатки, зайдите, пожалуйста, – негромко позвал я, надеясь, что кто-нибудь услышит.

Полог приподнялся, показалась голова Светланки.

– Товарищ лейтенант, что-то случилось? – проговорила она тихим голосом.

– Светланка, ты не видела случайно, этот особист, что был у меня после тебя, здесь еще?

– Нет, видела, как в машину залезал. И солдаты с ним.

– А в какую сторону поехали, заметила? – в надежде спросил я.

– Да, здесь только две дороги. На север и на юг. На север к станции, на юг к передовой.

– А станция большая, в смысле перегон или разгрузка?

– Да просто остановка небольшая, через нее дорога на Ленинград идет.

– Свет, беги скорее, нужно найти лейтенанта, что был у меня. Скорее, пожалуйста!

Светлана вылетела без слов. Спустя минуту в палатку залез Зимин.

– Командир, чего еще случилось? – взволнованно проговорил Александр.

– Тебе девушка не сказала?

– Нет, передала, что ты просишь быстрее прийти.

– Слушай сюда, эти суки уехали по дороге на Ленинград. Ты понимаешь, зачем?

– Дьявол, генерал же, наверное, на подходе, – испуганно ответил Саня.

– Вот именно, сам не смогу, Саня, бери всех наших, кто на ногах, попроси кого-нибудь из местных командиров ко мне зайти. Сам бери машину, хоть силой, рви на перехват. Водилу возьми здешнего, он наверняка знает, как дорога идет, дуйте наперерез. Если успеете до того, как они захватят нашего генерала, свяжите боем. Следом и местные подтянутся. Все, вперед. И аккуратней давайте.

– Понял, выполняю! – Зимин улетел как ветер. Я стал ждать, когда он пришлет кого-нибудь из командиров. Я хотел попросить помощи, в смысле подкрепления для своих бойцов. Чего они там втроем сделают супротив взвода-то?

В палатке тем временем появился какой-то капитан. Быстро обрисовав ему ситуацию, я попросил помощи. Капитан попался понятливый, сказал, что возьмет два взвода и рва-

нет наперерез через лес.

– Там есть одна тропочка, полуторки пройдут. Дождей не было, так что вполне получится. Выйдем уже за станцией, постараемся успеть, – проговорил капитан и вышел. Почти сразу я услышал его призывы снаружи.

– Фух! Аж вспотел. Может, и успеют, – я уже сам с собой говорю. А успеть надо, если Истомин погибнет, еще полбеды, а если... Стоп. Никаких если, все обойдется.

Я лежал как на иголках. Заходил военврач, помотал головой и влил мне еще укол. Этот подействовал быстро.

Проснулся я довольно бодрым, но вспомнив, что творилось тут до того как меня усыпили, захотел встать, даже почти получилось. В палатку вошла Света и прервала мои по-туги.

– Нельзя тебе, Сережа, вставать, что это еще такое? – нахмурившись, она отчитала меня. Но я, кажется, не слышал ее.

– Свет, ребята мои вернулись? И ваши тоже? – выпалил я, откидываясь на подушку.

– Да, час назад. Раненых много, пятерых убитых привезли. Говорят, с диверсантами фашистскими встретились.

– Тот лейтенант, что ты уже знаешь, живой? – я замер, ожидая ответа.

– Да, только ранен тяжело. Но Андрей Ильич говорит, что поправится. Сильный он, два пулевых ранения. Одно в руку, сквозное, второе в грудь. Со вторым сложнее, но выкараб-

кается. Операцию сделали только что. Вас вместе повезут в Ленинград.

– Позови мне, пожалуйста, бойца, из моей группы, такого с глазами узкими, видела ли? И живой ли он, кстати?

– Да, видела его. Тоже ранен, но легко. Из руки осколок достали, сейчас позову, он здесь рядом сидел, когда я к тебе шла.

Я сжал зубы в нетерпении. Ну, надо же, Зимин Саня, тяжелый. Ему столько раз везло, а тут на тебе. В своем же тылу, получил от таких же как и мы сами, диверсантов. То, что это были диверсы, я уже был уверен. Но наглые какие, прям как мы, напролом полезли, одно странно: почему меня или других не ликвидировали? Или просто не знали, что мы за группа? Хотя ведь я сам этому индюку рассказал. Видимо, польстился на генерала, на этом и попался.

– Серега, не спишь? – услышал я голос Мурата и даже, кажется, подпрыгнул. Рука у него была на перевязи.

– Мурат, чертяка, как я рад тебя видеть? Рассказывай немедленно, что произошло.

Когда они подъехали к станции, увидели впереди бой. Спешились и побежали вперед. Оказалось, Истомина почти взяли, с ним было всего четверо охранников, их сократили наполовину. Сам генерал был легко ранен в ногу, но отстреливался, как мог. Вообще, Истомин довольно быстро сообщил, что перед ним не те, кто кажется. Это его и спасло.

Ребята с ходу смели шестерых диверсов, атаковав сзади.

Дальше началась серьезная перестрелка. Если бы не подошедшая помощь от капитана Васильева, того, что пошел им наперерез, была бы жопа.

– Истомин матерился, надо было слышать. Впрочем, сам услышишь, он в соседней палатке. Кто из вас раньше встанет, тот и зайдет к другому.

– А с этими, что? Ну, с диверсами, всех положили?

– Нет, оставили на сладкое. Старшего ранили в руку и взяли живым. С ним еще одного, помощника, что ли, не знаю. Сидят здесь, их целый взвод сторожит. Истомин вызвал из Ленинграда людей, специально для конвоирования. Говорит, что повезет сам, вместе с нами.

– Хорошо. У вас как?

– А у нас целые-то были только я и Костя. У Сани голова была задета, помнишь, хоть и слегка, но все же. Я вот осколок словил, граната рядом рванула, а руку с пистолетом не успел убрать. Да он не глубоко вошел, так, ничего не порвало, только мясо. Если надо, я и хрень эту сниму, просто доктор настаивал на покое. Пальцы работают, чего еще надо. Костя отделался порезом на лице и руке. В рукопашном, когда сошлись, я с одной рукой чуть на штык не напоролся, Костя помог, а сам получил. Но тоже вроде нормально, только шрам теперь останется приличный. После ремонта, ну как зашили его, все плакался, какая, говорит, баба на меня теперь взглянет?

– Дурак, нашел, о чем горевать. Главное живой, а вернет-

ся с орденами, бабы сами будут на шею прыгать. Так ему и передай.

– Ты сам-то надолго здесь?

– Так хотели увозить с Истоминым, теперь от него зависит. Хотя я выспался сейчас, можно попробовать и встать. Кстати, ты мне и поможешь, дай руку, ту, что целая еще.

С помощью Мурата я сел, повернулся из стороны в сторону – нормально. Боль была, конечно, но вполне терпимая.

– Ну, чего, вставать будешь? – спросил казах.

– Подставь плечо, попробую. – Я облокотился на плечо друга и попробовал подняться. Слез с топчана, на котором лежал, и, опираясь на Мурата, который еще и поддерживал меня здоровой рукой, сделал пару шагов.

– Во блин. Битый небитого везет! – засмеялся я.

– Чего? – удивленно взглянул на меня Мурат.

– Пойдем говорю, попробуем до Истомина дойти. Продерет меня, как обычно, может, еще и бегать смогу. Да к Зиминову заглянуть надо, как думаешь?

– Меня доктор не пустил, сказал, что тот спит.

– Все может быть, спросим.

Мы медленно выбрались из палатки, подбежала проходившая мимо Света, отругала, но помогла с другой стороны. Мурату хоть полегче стало, зато сестренке явно тяжело. Росту в ней от силы метр шестьдесят, тоненькая такая, как веточка. Дохромали до палатки Истомина.

– Куда, к товарищу старшему майору нельзя, – остановил

нас часовой, стоящий с автоматом у входа.

– Да пропусти его. Это инвалид наш причапал, наверное? – раздался голос из палатки.

– Так точно, товарищ старший майор, – как можно бодрее ответил я.

– Ты еще громче крикни, чтобы на передовой слышно стало. Заходи давай! – выругался наш генерал.

– Мурат, иди, отдохай, я обратно со Светланкой дойду.

– Как скажешь, командир, я и правда подустал чуток.

– Давай, поспи, пока время есть, – я откинул полог палатки и шагнул внутрь.

– Ну что, лейтенант, опять меня из-за тебя продырявили? – укоризненно начал Истомин.

– Александр Петрович, я не виноват, ну, почти что, – я сделал такую виноватую морду, что Истомин рассмеялся.

– Давай, садись, вон, уже и мебель притащили, – старший майор указал на стоящий в углу табурет, неведь откуда здесь появившийся.

– Товарищ старший майор госбезопасности, разрешите доложить? – я не решился пока садиться, хотя мы давно с Истоминим общаемся свободно.

– Докладывай, только не ори! – кивнул головой Александр Петрович.

– Задание выполнено, на выходе задержались по причине облавы и того, что наткнулись на предателей. Уничтожен

отряд, действовавший под руководством РОНА, по крайней мере та часть отряда, что находилась в этой местности.

– И здесь, значит, отметились? – поднял бровь Истомин.

– Где-то еще засветились? – удивленно спросил я.

– Первые случаи нападения на мирных жителей бандами, состоящими из русских, зафиксированы на Украине. Пару раз в Белорусии.

– Там, где немцы хозяйничали долго?

– В общем, да. Не забывай, что после переноса границы часть польских земель оказалась на нашей территории. Вот оттуда и лезут эти гниды. Переманивают и запугивают попавших в окружение. Среди задержанных попадались вполне нормальные люди, которых запугали. Брали тем, что побывавших в окружении и тем паче в плену сразу расстреливают.

– А это не так? – с сомнением поинтересовался я.

– Конечно, нет. Сначала проводится проверка. Люди, не замаравшие себя предательством и работой на врага, отправляются снова на фронт. Расстрелы бывают, но поверь мне, к высшей мере приговаривают только «конченных» ублюдков.

– В подобной ситуации легко поверить, что тебя могут расстрелять. Запуганы люди давно, вот и не знают – кому верить.

– Сергей, не лезь не в свое дело. Были перегибы, даже Лаврентий Павлович это признает, но в большинстве случаев работа эта была необходима.

– Ясно! Товарищ старший майор...

– Ты чего, забыл, как меня зовут? – перебил меня Истомин.

– Никак нет, Александр Петрович. Во время проведения зачистки населенного пункта от этих ушлепков потерь не имели. Некоторые бойцы группы получили ранения.

– Да вас тут всех до одного пометило. Некоторые, – фыркнул мне в лицо Петрович.

– Александр Петрович, основные повреждения и раны получены уже здесь. От диверсантов досталось. Поэтому и вам навстречу отправились только трое. Причем один из них был ранен в голову...

– Спасибо тебе, Серега! – вдруг прервал мою исповедь Истомин.

– Чего? – удивленно уставился на него я.

– Хрен его знает, где бы я был сейчас, может в Абвере, а может, лежал бы себе на травке и не дышал. Спасибо, и парням передай.

– Да не за что, – смущенно ответил я.

– Есть, поверь есть за что. Как ты догадался, что они не те, за кого себя выдают?

– Честно, Александр Петрович, не сразу. И скорее я вас должен благодарить за то, что вы меня до сих пор не расстреляли.

– Не понял, я чего-то не знаю?

– Так точно, этот особист, мать его коромыслом, больно

дотошный был. Я молчал, сколько мог, но пришлось рассказать, кто я и откуда. Он потребовал подтверждения, я и ляпнул про вас. Видимо, смекнув, что по дороге вас захватить будет легче, он и предпринял попытку. Так что, виноват я, Александр Петрович.

– Да, я не ожидал. Слушай, мы же прорабатывали легенду, в чем прокололись?

– Да парни назвали разные полки, он их сначала попытал. Они поцапались даже, потом на меня наехал.

– Ясно, ладно, в отчете укажешь все, главное говори, как прошло?

– Отлично, только без косяков я не умею.

– Чего на этот раз?

– Да зенитку не разглядели, на БТРе под накидкой была. Как у цели голова лопнула, так они и показались. Я так давно не бегал. Но повезло, парни отвлекали грамотно, за собой утащили. Немчура позже хоть и вышла на нашу стоянку, но опять же Зимин с Ваню их подчистили. А потом эти предатели начались.

– Чего, правда голова лопнула? – с интересом маньяка спросил Истомин.

– Ага! Только ошметки полетели.

– Сколько выстрелов?

– Два. Мешал там один деятель. Он экскурсию проводил для начальства, а потом закрыл собой цель.

– Ну ты и махнул...

– Другого выбора не было, иначе он бы в дом вошел.

– Молодцы! Но вот из строя выбыли, это крайне плохо.

Сегодня уже поздно, а вот завтра отправляемся в Ленинград. Штопать вас надо. Вот ведь гадство, столько работы, а у меня лучшая группа не боеспособна.

– Товарищ старший майор...

– Отставить сопли. Молодцы, что живыми остались. До вас-то вообще никто не возвращался.

– Александр Петрович, мне вот что покоя не дает...

– Говори, – сделал разрешающий кивок Истомин.

– Ну, убрали мы генерала, а с танками как? Они же все равно у немцев остались.

– Нет у немцев никаких наших танков. После смерти Кюхлера их уже вечером погрузили на поезд. В тридцати километрах от места, где вы уничтожили генерала, партизаны мост под этим поездом рванули. Куча техники, что шла в Германию на восстановление, и наши КВэшки улетели в реку.

– А достать их не могут?

– Слишком дорого это встанет. Река там глубокая, берега не укреплены. Ну и заминировали уже под водой их. Так что охоту с ними возиться у немчуры точно отобьют. Немцы и свое барахло не стали вытаскивать.

– Ну и ладушки. Хотя ведь все равно рано или поздно к немцам попадет экземпляр.

– Конечно, попадет, скажу больше, уже скоро.

– Не понял, – я широко раскрыл глаза от удивления.

– Серега, во-первых, не в танках было дело. Я вообще-то думал ты и сам понимаешь. Более удачного случая ждать не было времени. Наш человек с огромным трудом добыл информацию. А во-вторых, наши академики готовят новый танк, и пока немцы будут возиться со старым, новый запустят в серию. А там совсем другой уровень, чтобы его скопировать, у врага уйдет не один год и последние деньги. Война во многом зависит от денег, Сергей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.